

ИРКУТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

издаваемая при Иркутской Духовной Семинаріи.

№

21.

1 ноября

1905 года.

Выходить два раза въ мѣсяць: 1

Въ г. МОСКВУ. Въ Румянцевскій М.

Ирк. Епарх. Вѣд.

Иркутскъ.

Типографіи А. А. Сизыхъ, Большая ул., д. Милевского.

Живописная и иконописная мастерская.

Принимаю заказы.

МАТВѢЙ БЕНАВЕНТУРЬЕВИЧЪ ОЛОВИНЪ.

Писаніе вновь и исправленіе иконъ на золотыхъ, на-
сыпныхъ и простыхъ фовахъ, на доскахъ, полотнѣ и
металлѣ разныхъ размѣровъ, а также и прозрачныхъ
иковъ на полотнѣ и стеклахъ.

Адресъ: Иркутскъ, Амурская ул., д. № 23.

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№

21.

Адресъ редак-
ціи: Успенская
площадь, Ду-
ховная Семи-
нарія.

Цѣна за годо-
вое изданіе съ
доставкою и
пересылкою
5 руб. 50 к.,
отд. номер. 30 к.

За объявленія за страницу: въ первый разъ 8 рублей, во второй и третій разъ по 2 руб., далѣе по 1 руб. 50 коп. За половину и четверть страницы въ соотвѣтственное число разъ меньше.

Ноябрь 1. годъ ХЛII. 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:—Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.—Журналы XXXVII Съѣзда депутатовъ духовенства Иркутской епархіи (продолженіе).—Отъ Братства взаимнаго вспоможенія.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:—Архіерейскія служенія.—Къ вопросу о реформахъ русской церкви.—Открытое письмо.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

На телеграммѣ Первоприсутствующаго Члена Святѣйшаго Синода, Митрополита Антонія слѣдующаго содержанія: «Святѣйшій Синодъ поручаетъ Вашему Высокопреосвященству пригласить подвѣдомственное духовенство употребить все свое пастырское воздѣйствіе къ устраниенію междоусобія среди населенія, поучая его въ своемъ поведеніи и въ отношеніяхъ своихъ къ ближнимъ дѣйствовать въ духѣ христіанскаго

всенароднаго братолюбія» — послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства таковая: «Поставить въ извѣстность духовенство епархіи о повелѣніи Святѣйшаго Синода, съ приглашеніемъ его къ усердному исполненію пастырскаго долга своего». Въ виду чего предписывается причтамъ принять самыя энергичныя мѣры къ воздѣйствию на пасомыхъ путемъ пастырскихъ поученій.

Ж У Р Н А Л Ы

XXXVII Съѣзда депутатовъ духовенства Иркутской епархіи.

(Продолженіе).

Журналъ № 11.

Депутаты съѣзда заслушали Указъ Иркутской Духовной Консисторіи отъ 15 сентября 1904 года за № 5958-мъ, отношеніе причта Кудинской Троицкой церкви за № 118-мъ и заключеніе благочиннаго протоіерея Петра Благодского за № 801-мъ о явившихся недоразумѣніяхъ между Кудинскимъ причтомъ и священникомъ Иркутскаго кафедральнаго собора во время обхожденія Кудинскаго прихода со святою иконою Базанской Божіей Матери по поводу дѣлежа между ними вещественныхъ приношеній, жертвуемыхъ прихожанами за служеніе въ ихъ домахъ молебновъ.

Принимая во вниманіе, что въ правилахъ о порядкѣ хожденія со Св. Иконою Богоматери, выработанныхъ съѣздомъ 1903 года и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ не предусматрѣно дѣленіе вещественныхъ пожертвованій между служащими причтами соборнымъ и мѣстнымъ, сельскимъ, депутаты съѣзда въ цѣляхъ предупрежденія возможныхъ недоразумѣній между названными причтами находятъ необходимымъ и справедливымъ дополнить 19 пунктъ правилъ слѣдующимъ примѣчаніемъ; «что же касается веще-

ственныхъ вознагражденій за труды по служенію духовенствомъ молебствій, какъ то: печеный хлѣбъ, мука, крупа, яйца и пр., то онѣ дѣлятся на три части, изъ коихъ двѣ части выдѣляются соборному причту, а третью причту мѣстному».

Журналъ сей представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2550. „26 авг. 1905 г. Согласенъ. Тихонъ А. Иркутскій.“

Журналъ № 12.

О.о. депутаты съѣзда слушали журналъ Правленія Свѣчнаго склада за № 3-мъ отъ 25-го октября 1904 года по поводу ходатайства Правленія Иркутской Духовной Семинаріи объ отпускѣ изъ суммъ оногo 2000 рублей безвозвратно на покрытіе перерасхода на содержаніе семинаріи за 1904 годъ. Означенный журналъ послѣдовалъ въ силу слѣдующей резолюціи Его Высокопреосвященства на ходатайствѣ семинаріи: «23 окт. 1904 г. Въ свѣчной комитетъ для справки и доклада мнѣ о возможности удовлетворенія. Дѣломъ поспѣшить». Въ журналѣ Правленія склада было указано, что въ данное время онъ не могъ выдать просимой суммы, какъ по неимѣнію въ то время нужныхъ средствъ, такъ и равно потому, что согласно 37 журналу XXXV съѣзда духовенства Епархіи: денежная прибыль склада есть достояніе епархіи и ею распоряжаются съѣзды. При томъ же Правленіе Семинаріи знало о своемъ дефицитѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1904 года и своевременно не обратилось въ августѣ мѣсяцѣ въ съѣздъ съ просьбой объ отпускѣ 2000 руб. Впрочемъ, Правленіе склада согласно было дать Семинаріи 2000 р.; но въ счетъ 10000 рублей, которые Правленіемъ Склада выдаются Духовной Семинаріи въ началѣ каждаго года, какъ уплату долга и % по ссудѣ, выданной Хозяйственнымъ Управленіемъ при Свят. Синодѣ на постройку женскаго духовнаго училища;

окончательное же рѣшеніе о безвозвратномъ отпускѣ Духов-
ной Семинаріи 2 тыс. рублей представить слѣдующему
епархіальному съѣзду духовенства Иркутской епархіи, какъ
учрежденію, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе вопроса. На
этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвя-
щенства: «согласенъ». Послѣ означенной резолюціи вновь отъ
о. Ректора поступилъ рапортъ на имя Его Высокопреосвя-
щенства такого содержанія: «считаю долгомъ почтительнѣйше
и усерднѣйше просить Ваше Высокопреосвященство выдать
безвозвратно (Семинарія никогда не будетъ въ состояніи
вернуть никакого долга) 2000 рублей, не менѣе, изъ суммъ
Свѣчнаго Комитета; въ семинаріи денегъ нѣтъ и Синодь от-
пускаетъ 4 тыс. рублей, $\frac{2}{3}$ всего перерасхода. Положеніе
безусловно критическое. Изъ Москвы торговцы требуютъ
уплаты». На ономъ рапортѣ послѣдовала резолюція Его Вы-
сокопреосвященства: «27 окт. 1904 г. Выдать 2000 руб.
безвозвратно изъ суммъ Свѣчнаго Комитета».

Справка 1. По счетному уставу Свят. Синода прилож.
по продолж. 1902 г. св. зак. т. VIII ч. II въ дѣлію контро-
ля при Св. Синодѣ подлежатъ точно указанныя въ ст. 19,
20, 21, 22 суммы, въ числѣ которыхъ суммы, отпускаемыя
епархіальными съѣздами изъ мѣстныхъ средствъ на покрытие
перерасходовъ духовно-учебныхъ заведеній изъ другихъ источ-
никовъ, не указаны.

Справка 2. Въ Иркутской Духовной Семинаріи обу-
чаются ученики и изъ Забайкальской епархіи и средства на
содержаніе Семинаріи даются какъ Иркутской, такъ и Забай-
кальской епархіей поровну, а слѣдовательно и перерасходъ
долженъ покрываться средствами обѣихъ епархій.

Постановили: 1) Покорнѣйше просить Его Высокопрео-
священство поставить на видъ о. Ректору Семинаріи свое-
временно возбуждать ходатайство въ съѣздѣ объ ассигнованіи
суммъ нужныхъ Семинаріи и въ болѣе основательной формѣ,

а не ссылаясь голословно на какія то требованія московскихъ торговцевъ и не отпускать изъ вида, что Семинарія содержится на средства обѣихъ епархій и что половина этихъ средствъ должна быть о. Ректоромъ испрашиваема своевременно и изъ Забайкальской епархій, 2) предложить о. Ректору представить отчетъ въ израсходованіи взятыхъ имъ 2 тыс. рублей на перерасходъ, такъ какъ, въ силу вывода второй справки, эта сумма подлежитъ контролю того учрежденія, откуда взята, т. е. съѣзду, 3) принять половину—1000 рублей на средства епархій, а остальные 1000 руб. предложить о. Ректору исходатайствовать изъ Забайкальской епархій и возвратитъ Правленію склада и 4) симъ дать знать о. Ректору, что онъ своимъ постояннымъ непредставленіемъ съѣзду отчетовъ въ израсходованіи отпущенныхъ ему изъ Епархіального свѣчнаго склада суммъ, ставитъ о.о. депутатовъ въ необходимость отказывать ему въ его просьбахъ.

Журналъ сей представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2551. „26 авг. 1905 г. Поставить въ извѣстность о. Ректора Семинаріи о желаніи духовенства по предмету журнала съѣзда, только въ формѣ болѣе скромной и вѣжливой, чѣмъ какую употребляетъ съѣздъ. Участіе Забайкальской епархій въ расходованіи мѣстныхъ средствъ на нужды семинаріи признаю. Тихонъ А. Иркутскій“.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Тихону, Архіепископу Иркутскому и Верхоленскому

Ректора Иркутской Духовной Семинаріи
Архимандрита Никона

р а п о р т њ.

На журналѣ № 12 XXXVII съѣзда Иркутскаго Епархіального духовенства, обсуждавшего вопросъ объ отпускѣ Правленію Семинаріи 2000 р. на покрытіе перерасхода 1904 года по содержанію Семинаріи, Вашимъ Высокопреосвященствомъ положена резолюція: «26 авг. 1905. Поставить въ извѣстность о. Ректора Семинаріи о желаніи духовенства по

предмету журнала съѣзда, только въ формѣ болѣе скромной и вѣжливой, чѣмъ какую употребляетъ съѣздъ. Участіе Забайкальской епархіи въ расходованіи мѣстныхъ средствъ на нужды семинаріи признаю. Тихонъ, А. Иркутскій». Получивъ журналъ № 12 въ подлинномъ видѣ (въ видѣ неизмѣненномъ), почитаю своимъ долгомъ представить Вашему Высокопреосвященству свои соображенія по содержанію означеннаго журнала.

Минувшій 1904-й годъ точно такъ же, какъ и текущій 1905-й, въ экономическомъ отношеніи оказался для Семинаріи крайне неблагопріятнымъ. Война возвысила до весьма высокой степени цѣны на предметы; почему смѣтнаго содержанія для Семинаріи не могло быть достаточнымъ. Принимая во вниманіе исключительныя условія, въ коихъ благодаря войнѣ оказалось хозяйство Семинаріи, Святѣйшій Синодъ экстренно, по моей телеграммѣ въ Хозяйственное Управленіе Синода, отпустилъ изъ собственныхъ средствъ на покрытіе перерасхода 4000 руб.; остальные 2000 р. перерасхода, согласно резолюціи Вашего Высокопреосвященства, были отпущены безвозвратно изъ средствъ епархіальнаго свѣчнаго комитета. И та, и другая сумма были даны Правленію Семинаріи исключительно въ силу дѣйствительно тяжелаго экономическаго кризиса, переживавшагося въ концѣ 1904 г. Семинаріей благодаря военному времени. Весьма страннымъ поэтому кажется заявленіе Съѣзда о.о. депутатъ о томъ, что мотивомъ моего ходатайства предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ объ отпускѣ 2000 руб. послужила голбсловная ссылка на «какія-то требованія московскихъ торговцевъ». Дѣйствительно, въ концѣ 1904 года необходимо было платить Московскимъ торговымъ фирмамъ, у которыхъ Правленіе Семинаріи съ большой уступкой ежегодно пріобрѣтаетъ сукно, полотно и п., необходимые для воспитанниковъ Семинаріи, матеріалы. Но эта плата не была

сверхсмытной. При обычной экономической жизни Семинарии, до войны, счета московских фирм оплачивались из сметных сумм. В 1904-же году этих сумм не достало даже для тех материалов, кои закупаются в Иркутскѣ. Между тем материалы для одежды воспитанникамъ такъ же были необходимы в 1904 г., какъ и в предшествовавшіе годы. Правленіе Семинарии только увеличило бы в значительной степени перерасходъ, если бы не выписало материалы изъ Москвы, а приобрѣло бы ихъ в Иркутскѣ, гдѣ цѣны на суконные, полотняные и п. материалы минимум на 50% были в 1904 г. выше московскихъ.

Съѣздъ депутатовъ отмѣчаетъ в своемъ журналѣ, что ходатайство о покрытіи перерасхода не было представлено в Съѣздъ заблаговременно, т. е., в августѣ мѣсяцѣ 1904 г. Пылю честь доложить Вашему Высокопреосвященству, что подобнаго рода ходатайство в августѣ мѣсяцѣ не могло быть возбуждено предъ съѣздомъ на томъ основаніи, что при постоянно мѣнявшихся цѣнахъ на Иркутскомъ рынкѣ Правленіе Семинарии не могло опредѣлить за полгода впередъ точной суммы перерасхода; возбуждать же ходатайство о покрытіи непремѣннаго перерасхода, не указывая его суммы, было бы странно. Съѣздъ по поводу такого неопредѣленнаго ходатайства имѣлъ бы полное право выразить только свое удивленіе.

Судить о голословности моихъ ходатайствъ предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ, конечно, не дѣло Съѣзда.

Обсуждая вопросъ о перерасходѣ Семинарии, Съѣздъ нашель возможнымъ «принять половину—1000 р. на средства епархіи, а остальные 1000 р. предложить о. Ректору исходатайствовать изъ Забайкальской епархіи и возвратить Правленію склада». Предложеніе исходатайствовать 1000 р. изъ Забайкальской епархіи обосновано тѣмъ, что в Иркутской духовной Семинарии обучаются ученики изъ Забайкалья.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что Забайкальская епархія должна участвовать въ перерасходахъ по Иркутской Семинаріи, я считаю долгомъ доложить Вашему Высокопреосвященству, что въ 1904 году Правленіе Семинаріи не обратилось съ ходатайствомъ о покрытіи части перерасхода къ Преосвященному Забайкальскому лишь только потому, что обратилось къ нему съ ходатайствомъ о покрытіи перерасхода 1905 г., каковой перерасходъ (но не точную сумму его) можно было ожидать годъ тому назадъ. Такимъ образомъ, при благоприятномъ отвѣтѣ на ходатайство Правленія со стороны Забайкальскаго Преосвященнаго, и Иркутская и Забайкальская епархіи окажутся принявшими одинаковое участіе въ покрытіи перерасхода Семинаріи за 1904 и 1905 годы.

Ходатайствовать предъ Забайкальской епархіей объ отпускѣ 1000 р. за 1904 годъ, а равно возвращать Правленію Иркутскаго свѣчнаго склада эту тысячу, я лично безусловно отказываюсь. Правленіе Семинаріи получило безвозвратно изъ суммъ свѣчнаго Комитета въ 1904 году 2000 рублей совершенно законно.

Что касается постановленія Съѣзда о затребованіи отъ меня отчета въ израсходованіи Правленіемъ Семинаріи суммъ, отпускаемыхъ изъ епархіальныхъ средствъ, то особыхъ отчетовъ Правленіе Съѣзду, дѣйствительно, никогда не представляло, во первыхъ потому, что отчетность въ епархіальныхъ суммахъ вносится въ ежегодные экономическіе отчеты по содержанію Семинаріи, каковыя отчеты провѣряются особыми Епархіальными Ревизіонными Комитетами, во вторыхъ потому, что деньги, отпускаемыя Съѣздомъ для Семинаріи, идутъ на весьма опредѣленныя цѣли: на содержаніе учителей монголо-бурятскаго языка, рисованія и музыки и помощника инспектора. Наличие въ семинаріи этихъ учителей и помощника инспектора является наилучшимъ контролемъ правильности въ расходованіи отпускаемыхъ Съѣздомъ денегъ.

Счета на 100 руб., отпускаемых Съездомъ для ученической библіотеки, всегда прилагаются къ обычному экономическому годовому отчету.

Постановленіе Създа: «предложить о. Ректору представить отчетъ въ израсходованіи взятыхъ имъ 2000 р. на перерасходъ» выполнено быть не можетъ, не потому, что Правленіе Семинаріи не желаетъ изъ какихъ-либо цѣлей отсчитываться предъ Съездомъ, а потому, что при бюджетѣ Семинаріи, доходящемъ почти до 100000 р., опредѣлить, что приобрѣтено на взятые изъ свѣчнаго комитета 2000 р., невозможно.

Не могу не выразить предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ удивленія по поводу обращенія Съездомъ всѣхъ своихъ (и часто крайне рѣзкихъ) требованій лично ко мнѣ, а не къ Правленію Семинаріи, коего я состою лишь предсѣдателемъ.

Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Отца и Архипастыря, нижайшій послушникъ Архим. Никонъ.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 3153. „11 окт. 1905 г. Предать печати. Тихонъ А. Иркутскій“

Журналъ № 13-й.

Депутаты създа разсматривали смѣту расходовъ на содержаніе Иркутскаго Мужскаго духовнаго училища въ теченіе 1906 года.

По смѣтѣ исчислено: изъ духовно-учебнаго капитала и другихъ источниковъ 15266 рублей 88 коп. Изъ суммъ епархіи: 1) на жалованье учащимъ и другимъ лицамъ, служащимъ въ училищѣ, 6560 рублей; 2) на содержаніе учителей 2-го параллельнаго класса 1280 рублей; 3) на содержаніе учениковъ 3-го параллельнаго класса 1355 рублей; 4) прибавка къ жалованью учителю русскаго языка изъ студентовъ семинаріи 210 рублей; 5) учителю русскаго языка въ старшихъ классахъ за чтеніе тетрадей 150 рублей; 6) на

содержаніе учениковъ 50-ти полусепархіальныхъ по 100 руб. круглымъ счетомъ въ годъ и 43 полуепархіальныхъ по 50 р. въ годъ, считая въ томъ числѣ 19 служителей, эконома (за 2-хъ), больничную даму (за 2-хъ) и 20 учениковъ—7150 рублей; 7) на содержаніе дома—10853 р. 88 к. вмѣсто прежнихъ 7746 р. 35 коп., т. е. на 3107 р. 53 коп. болѣе противъ прошлаго года, что объясняется дороговизной жизни по случаю войны; 8) на содержаніе церкви 150 руб.; 9) на содержаніе библіотеки ученической и фундаментальной на каждую по 150 р., въ годъ—300 р., на переплетъ учебниковъ и учебныхъ пособій—50 р., на приобрѣтеніе учебниковъ для воспитанниковъ—200 р., т. е. на 100 руб. болѣе противъ 1905 года въ виду прекращенія безвозмезднаго отпуска изъ Св. Синода учебниковъ и учебныхъ пособій въ наступающемъ учебномъ году; 10) на содержаніе больницы 200 рублей, менѣе на 31 р. 40 коп. противъ прошлаго года по той причинѣ, что были денежные остатки отъ расходовъ по сему пункту въ минувшемъ году; 11) на содержаніе канцеляріи 100 р. вмѣсто 60 р. прошлаго года въ виду перерасхода смѣтной суммы на типографскіе работы; 12) на мелочные и экстраординарные расходы 120 рублей; 13) на учителя гимнастики 50 р. и 14) на классъ ручнаго труда 600 р. Всего изъ суммъ епархіи 29328 р. 88 к., болѣе противъ смѣты 1905 года на 7877 р. 43 к., а всего по смѣтѣ 44595 рублей.

Справка 1. Открытіе параллельныхъ классовъ уставомъ Духовныхъ училищъ 1884 года признается необходимыми, когда въ классѣ болѣе 40 человекъ.

Справка 2. Изъ примѣчанія 1-го къ ст. смѣты 1-й и 2-й видно, что въ 1-мъ параллельномъ классѣ имѣеть быть въ 1905/6 учебномъ году до 70 человекъ, во 2-мъ до 60 и въ 3-мъ до 50 челов. На содержаніе 2 и 3-го параллельныхъ классовъ суммы испрашиваются, а на содержаніе 1-го

класса Правленіе имѣть употребить инословныя суммы.

Справка 3. Каждому ученику полагается утренній чай, завтракъ, обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ, вечерній чай съ хлѣбомъ и ужины; къ чаю выдается сахаръ.

Справка 4. По ст. VI испрашивается на содержаніе учениковъ 7150 рублей, т. е. на 66 р. 30 коп. противъ 1905 года болѣе. Такое увеличеніе суммы объясняется въ смѣтѣ чрезмѣрнымъ вздорожаніемъ цѣнъ въ г. Иркутскѣ на всѣ предметы продовольствія пищею и одеждою и основывается на выводахъ среднихъ цѣнъ за послѣдніе три года.

Справка 5. По ст. VI на содержаніе ученика ассигнованіе оставлено въ прежней мѣрѣ, т. е. по 100 рублей на полного епархіальнаго ученика и 50 р. на полуепархіальнаго. Въ дѣйствительности же по дополнительной къ смѣтѣ запискѣ на полноепархіальнаго въ годъ требуется 135 р. 35 коп., а на полуепархіальнаго 54 р. 80 коп. Эта несоотвѣтственность суммъ объясняется тѣмъ, что ученики содержатся не цѣлый годъ, а отпускаются на каникулы, отчего получается экономія въ 1973 р. 90 коп., которая и покрываетъ расходъ по содержанію, если только дѣйствительная стоимость продуктовъ будетъ превышать цѣны означенныя въ смѣтѣ.

Справка 6. Въ сложности по трехлѣтію стоимость лиственничныхъ дровъ выражена въ смѣтѣ въ 4 р. 90 к. сажень, березовыхъ 5 р. 50 коп. и сосновыхъ 4 р. 20 коп. саж., испрашивается же на лиственничныя и березовыя по 7 р. за сажень и сосновыя 6 р. Въ виду того, что цѣны на дрова въ г. Иркутскѣ чрезвычайно повысились и установленіе ихъ на 1906 годъ по трехлѣтней сложности поэтому не можетъ быть примѣнено, съѣздъ о.о. депутатовъ призналъ необходимымъ назначить къ выдачѣ на дрова сумму испрашиваемую Правленіемъ.

Справка 7. Расходъ по ст. VIII подъ рубрикою «к» въ суммѣ 300 рублей отнести къ ст. XII, къ разряду ме-

лочныхъ и экстраординарныхъ расходовъ, а числящіяся по ст. XII смѣты расходы на сумму въ 120 рублей изъ смѣты исключить.

Справка 8. По ст. XIV смѣты составленъ особый журналъ, въ которомъ указаны и мотивы объ исключеніи изъ смѣты расхода по сей ст. 600 рублей.

Постановили: Къ израсходованію въ 1906 году на потребности мужскаго духовнаго училища по ст. 1-й—6560 рублей, ст. 2-й—1280 р., ст. 3-й—1355 р., ст. 4-й—210 р., 5-й—150 руб., 6-й—7150 р. утвердить. Статью 7-ю за исключеніемъ изъ нея по рубрикѣ «к» 300 рублей, утвердить въ суммѣ 10553 р. 88 к., статью 8-ю въ суммѣ 150 р., ст. 9—550 руб., ст. 10—200 р., ст. XI-ю—100 р. утвердить. Расходы по ст. XII утвердить въ суммѣ вмѣсто испрашиваемыхъ 120 рублей,—въ 300 рублей съ тѣмъ, чтобы по этой статьѣ производились расходы и по рубрикѣ «к» ст. VII, въ коей рубрикѣ расходование 300 рублей изъ смѣты исключено. Статью XIII въ суммѣ въ 50 рублей утвердить, а ст. XIV изъ смѣты совсѣмъ исключить, о чемъ составить особый журналъ.

Такимъ образомъ, настоящую смѣту на содержаніе Иркутскаго мужскаго духовнаго училища въ 1906 году утвердить вмѣсто просимыхъ Правленіемъ 29328 р. 88 к. въ суммѣ двадцати восьми тысячъ шестисотъ восьми рублей восьмидесяти восьми копѣекъ (28608 р. 88 к.), которые Правленію училища надлежитъ получить изъ Иркутской Духовной Консисторіи.

Журналъ сей представить на благоусмотрѣніе и распоряженіе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2552. „26 авг. 1905 г. Утверждается. Тихонъ А. Иркутскій.“

Журналъ № 14.

Депутаты съѣзда слушали отношеніе Правленія Иркутскаго Духовнаго Училища отъ 18 августа с. г. за № 189

объ открытіи на текущей годъ 3-го параллельнаго класса и доассигнованіи денегъ на содержаніе его съ сентября по декабрь настоящаго 1905 года въ количествѣ 451 руб. 67 к.

Справка 1-я. Вопросъ объ открытіи журналомъ за № 13 настоящаго съѣзда рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и расходъ на 1906 годъ введенъ въ смѣту.

Справка 2-я. Въ третьемъ классѣ имѣеть обучаться 52 человекъ, при чемъ изъ нихъ инословныхъ 16 человекъ.

Справка 3-я. Суммъ, поступающихъ съ инословныхъ учениковъ въ годъ по среднему выводу смѣты 2146 рублей.

Постановили: Въ виду того, что въ третьемъ классѣ есть 16 человекъ инословныхъ, и что обученіе въ училищѣ инословныхъ значительно расширяетъ расходы епархіи на открытіе новыхъ параллельныхъ классовъ и что епархіа и такъ уже несетъ значительный расходъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, предложить Правленію училища отнестись этотъ расходъ въ размѣрѣ 451 руб. 67 коп. на суммы получаемыя отъ обученія инословныхъ учениковъ.

Журналъ сей представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2553. „26 авг. 1905 г. Утверждается. Тихонъ А. Иркутскій“.

Журналъ № 15-й.

Депутаты съѣзда слушали отношеніе Правленія Иркутскаго Духовнаго училища отъ 18 августа 1905 г. за № 192, въ коемъ Правленіе ходатайствуетъ объ учрежденіи при училищѣ нѣсколькихъ стипендій для осиротѣвшихъ въ русско-японскую войну дѣтей воиновъ и предоставленіи права освобождать упомянутыхъ дѣтей отъ платы за обученіе.

Симпатичное дѣло учрежденія при Духовномъ Училищѣ стипендій для осиротѣвшихъ дѣтей воиновъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ настоящую войну, съѣздъ полагаетъ осуществить, за недостаткомъ епархіальныхъ суммъ, на

средства остающіяся въ 1-мъ Иркутскомъ Комитетѣ Андреевскаго Краснаго Креста, по ликвидированіи дѣлъ названнымъ комитетомъ за окончаніемъ войны.

Журналъ сей представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2554. „26 авг. 1905 г. Согласенъ, Иркутскому Комитету Андреевскаго Краснаго Креста имѣть въ виду желанія съѣзда при ликвидациіи своихъ дѣлъ по учрежденію, если остающіяся средства не будутъ имѣть иного назначенія. Тихонъ А. Иркутскій“.

Журналъ № 16.

О.о. депутаты съѣзда обсуждали актъ духовенства 3-го Благочинническаго округа Нижнеудинскаго уѣзда отъ 8 августа с. г., коимъ оно проситъ ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ объ учрежденіи должности особаго уѣзднаго слѣдователя по проступкамъ и преступленіямъ духовныхъ лицъ и о изысканіи ему средствъ содержанія. Такъ какъ на основаніи 158 ст. устава Духовныхъ Консисторій слѣдователи по дѣламъ духовныхъ лицъ назначаются самими Консисторіями, и деньги лицамъ командируемымъ для производства слѣдствія на основаніи 156 ст. устава Духовныхъ Консисторій 21 Іюня—9 Августа 1868 г. П. С. З. № 43439 отпускаются на счетъ возврата съ виновныхъ, то съѣздъ особенной нужды въ учрежденіи должности уѣзднаго слѣдователя въ данное время не видитъ, и кромѣ того полагаетъ, что съ учрежденіемъ благочинническихъ Совѣтовъ слѣдственные дѣла по проступкамъ духовныхъ лицъ значительно сократятся, а потому постановили: вопросъ объ учрежденіи должности особаго уѣзднаго слѣдователя отклонить.

Журналъ этотъ представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2555. „26 авг. 1905 г. Утверждается. Тихонъ А. Иркутскій“.

Журналъ № 17-й.

Депутаты съѣзда слушали отношеніе Правленія Иркутскаго Духовнаго училища отъ 18 авг. 1905 г. за № 188 съ ходатайствомъ предъ съѣздомъ объ отпускѣ 337 р. 50 к. изъ епархіальныхъ средствъ на единовременное пособіе служащимъ училища и получающимъ содержаніе изъ епархіальныхъ суммъ, по случаю вздорожанія жизни въ Иркутскѣ, вслѣдствіе войны, а именно: врачу 25 руб., эконому 37 р. 50 коп., двумъ надзирателямъ 150 руб., двумъ надзирателямъ 100 руб., и одному надзирателю, призванному на дѣйствительную службу и получающему содержаніе по прежнимъ надзирательскимъ окладамъ— 25 руб.

Соглашаясь съ Правленіемъ училища, что жизнь въ Иркутскѣ вздорожала по случаю войны, съѣздъ духовенства однако не можетъ удовлетворить просьбу Правленія объ ассигнованіи суммы на единовременное пособіе служащимъ лицамъ въ училищѣ и получающимъ содержаніе изъ епархіальныхъ средствъ, такъ какъ епархіальныя средства значительно истощились на разныя нужды епархіи, а новаго большого притока денегъ, вслѣдствіе той же дороговизны жизни, ждать нельзя. Къ тому же предстоятъ еще расходы епархіальныхъ суммъ на болѣе неотложныя нужды, чѣмъ единовременное пособіе служащимъ училища, которые имѣютъ кромѣ того еще постороннія занятія и потому не должны бы испытывать крайнюю нужду въ денежномъ пособіи.

Журналъ сей представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства за № 2558. „26 авг. 1905 г. Утверждается. Тихонъ А. Иркутскій“.

Журналъ № 18.

Депутаты съѣзда слушали ходатайство Правленія Иркутскаго Духовнаго Училища отъ 18 авг. 1905 г. за № 190 о постройкѣ дома съ бесплатными квартирами для учителей

Духовнаго Училища, или, покрайней мѣрѣ, объ основаніи фонда для этой цѣли, отчисляя въ него хотя бы по 500 р. въ годъ.

Вполнѣ сознавая нужду преподавателей Духовнаго Училища въ бесплатныхъ квартирахъ, вслѣдствіе дорогой жизни въ Иркутскѣ, съѣздъ тѣмъ не менѣе, не можетъ въ настоящее время оказать имъ помощь устройствомъ дома для бесплатныхъ квартиръ, или образованіемъ фонда для этой цѣли, по недостатку средствъ въ епархіи и большихъ расходовъ денегъ за послѣднее время на различныя нужды епархіи а потому ходатайство Правленія Училища о постройкѣ дома для учителей или объ образованіи фонда для этой цѣли принужденъ отклонить до болѣе благопріятнаго времени.

На семъ резолюція Его Высокопреосвященства за № 2559. »26 авг. 1905 г. Утверждается. Тихонъ А. Иркутскій«.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ Братства взаимнаго вспоможенія.

15 сентября сего года члены Братства взаимнаго вспоможенія Иркутской Епархіи въ общемъ собраніи, вмѣсто вышедшаго за штатъ и сложившаго съ себя обязанности казначея Братства Протоіерея Василія Корелина, избрали (и Его Высокопреосвященство утвердилъ) казначеемъ Братства Протоіерея Петра Громова и членами Совѣта Братства Протоіерея Василія Копылова, священниковъ Константина Тихомирова и Александра Писарева (Больничной церкви). Посему все имѣющіе какія либо отношенія къ Братству благоволятъ съ сего времени адресовать свои требованія на имя казначея Братства Протоіерея Градо-Иркутской Входо-Іерусалимской (Кладбищенской) церкви Петра Громова.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ИРКУТСКИМЪ

Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Н О Я Б Р Я 1—№ 21—1905 г.

Архіерейскія служенія.

Сентября 14. Воздвиженіе Животворящаго Креста Господня. Его Высокопреосвященство совершилъ всенощное бдѣніе и обрядъ воздвиженія креста, какъ и Божественную Литургію, въ Казанскомъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго причта. Проповѣдь произнесъ свящ. о. Ѳ. Вѣрномудровъ.

Сентября 18. Недѣля 15-я. Владыка Архіепископъ совершилъ Божественную Литургію въ Казанскомъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго причта. Проповѣдь произнесъ свящ. о. В. Корнаковъ.

24 сентября. Владыка изволилъ выѣхать для обозрѣнія епархіи.

25 сентября. Въ день Преп. Сергія Радонежскаго. Его Высокопреосвященство совершилъ всенощное бдѣніе и Божественную Литургію въ с. Урикѣ, при чемъ были рукоположены студентъ Ирк. Духовн. Семинаріи о. Захарій Тихомировъ во священника и Николай Мясниковъ во діакона.

26 сентября. Св. Ап. и Ев. Іоанна Богослова. Всенощное бдѣніе Владыка совершилъ въ с. Быковскомъ (исходилъ на литію и поліедей), Божественную же Литургію въ с. Гороховскомъ.

1 Октября. Покровъ Пресв. Богородицы. Его Высокопреосвященство совершилъ всенощное бдѣніе, малое освященіе храма и Божественную Литургію въ Аларскомъ миссіонерскомъ станѣ, при чемъ рукоположилъ во діакона Константина Попова. Въ тотъ же день Владыка совершилъ малое освященіе церкви и школы (послѣ ремонта) въ миссіонерскомъ училищѣ.

Октября 2 дня. Его Высокопреосвященство совершилъ всенощное бдѣніе и Божественную Литургію въ с. Черемховскомъ и 4-го на 5-е возвратился благополучно домой.

5 Октября. Тезоименитство Государя Наслѣдника. Владыка молился въ Казанскомъ соборѣ и исходилъ на молебень послѣ Литургіи, совершенной Преосвященнымъ Викаріемъ Владиміромъ, Епископомъ Киренскимъ. Проповѣдь произнесъ о. М. Смирновъ.

9 Октября. Владыка совершилъ Божественную Литургію и благодарственный молебень по случаю заключенія міра съ Японіей въ Богоявленскомъ соборѣ. На богослуженіи и молебнѣ 5-го и 9-го присутствовали Г. Начальникъ края, Графъ П. И. Кутайсовъ, военные и гражданскіе чины, представители городского самоуправления и множество молящихся.

КЪ ВОПРОСУ

о реформѣ русской церкви.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наступаетъ время капитальной реформы русской Церкви. Правда, вопросъ о необходимости такой реформы возникалъ и гораздо ранѣе, но далѣе частичныхъ преобразованій дѣло обыкновенно не шло. Въ настоящее время есть основанія полагать, что давно ожидаемая реформа будетъ произведена въ надлежащей полнотѣ. Это обстоятельство побуждаетъ každого, для кого не безразличны церковь и ея жизнь, въ мѣ-

ру возможности удѣлять свое вниманіе церковнымъ вопросамъ. Между тѣмъ, въ текущей русской литературѣ эти вопросы почти не затрагиваются (за исключеніемъ нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ). Да и въ томъ, что пишется въ послѣднихъ, не замѣчается должной широты взгляда и глубины оцѣнки, нѣтъ и надлежащей систематичности, полноты и единства въ изложеніи, — тогда какъ широкая литературная обработка церковныхъ вопросовъ была бы весьма цѣнна: она создала бы твердую и надежную почву для проведенія готвящейся церковной реформы. Мотивы и цѣль настоящаго изданія, поэтому, вполне понятны: вызываемое живымъ интересомъ къ дѣлу, оно выполнить свою задачу, если явится лишь началомъ широкаго и всесторонняго обсужденія дѣла въ русской литературѣ и этимъ хотя въ малой мѣрѣ послужить обновленію русской Церкви.

В В Е Д Е Н І Е.

Всякую проблему всегда должно возводить къ ея принципиальной природѣ. Въ концѣ концовъ дѣло рѣшаются принципы. Поэтому и вопросъ о реформѣ русской церкви прежде всего слѣдуетъ постановить принципиально. Это значитъ, что нужно выяснитъ самую идею церкви, какъ необходимаго элемента религіи вообще и христіанства въ частности.

Идея церкви, Въ жизни всего человѣчества и отъ какъ необходимый дѣльнаго человѣка есть одинъ фактъ элементъ религіи. съ неизмѣримо громаднымъ значеніемъ. Этотъ фактъ — религія. Даже люди, не признающіе объективной цѣнности религіи и враждебно къ ней относящіеся, никогда не отрицаютъ ея историческаго и наличнаго значенія, какъ субъективной основы жизни массъ и индивидуумовъ. Однако, сущность религіи научно пока не опредѣлена съ надлежащей точностью. Поэтому, намъ нужно обратиться прямо къ дѣйствительности и опыту. — Съ психологической

точки зрѣнія религія есть совокупность извѣстныхъ внутреннихъ переживаній, анализъ которыхъ и долженъ дать вѣрное понятіе о религіи, какъ фактъ человеческой жизни. Внутренняя жизнь человѣка слагается изъ отзвуковъ окружающей его дѣйствительности. Непосредственно этой послѣдней онъ не знаетъ. Между нею и человѣкомъ непремѣнной связующей средой является его сознаніе, состоянія котораго и суть единственные элементы внутренней жизни человѣка. Эти состоянія, возникающія подъ прямымъ воздѣйствіемъ внѣшней дѣйствительности, частіе раздѣляются такъ: 1) непосредственныя отображенія дѣйствительности и матеріаль, получаемый путемъ дальнѣйшей переработки ихъ въ рефлектирующей дѣятельности разсудка, 2) оцѣнка наличной дѣйствительности, какъ она дана въ сознаніи, по отношенію къ субъекту сознанія (таковая оцѣнка есть необходимое требованіе всякаго *самосознанія*, какъ качественного самоопредѣленія субъекта), — оцѣнка, выражающаяся въ чувствованіяхъ различнаго рода, но всегда съ неизмѣняемымъ характеромъ пріятнаго — непріятнаго, удовольствія — страданія, 3) активность субъекта, направляемая чувствованіями, какъ мотивами; эта активность есть собственно воздѣйствіе субъекта на первую группу состояній его сознанія, совершаемое извѣстными на опытѣ созданными привычными приѣмами. Характернымъ общимъ признакомъ жизни субъекта, вращающейся въ сферѣ указанныхъ состояній сознанія, является полная подчиненность дѣйствительности, какъ состояній сознанія, для субъекта. Послѣдній, во — первыхъ, непосредственно ощущаетъ ея реальность, во — вторыхъ, является ея господиномъ, творцомъ (если не всегда на дѣлѣ, то всегда въ возможности). Это не значитъ, что онъ можетъ быть законодателемъ дѣйствительности, — онъ иногда бываетъ рабомъ ея, — но онъ всегда можетъ *понять* ее и овладѣть ею въ своемъ сознаніи. Вирочемъ, есть въ наличной дѣйствительности сфера, гдѣ такое

господство субъекта нѣсколько ограничено—это другіе субъекты, другая внутренняя самосознательная жизнь. Здѣсь сталкиваются двѣ одинаковыя и равныя силы. Чужая субъективная жизнь, во—первыхъ, не можетъ быть «до дна», до прозрачности понятной, во—вторыхъ, не можетъ быть вполнѣ подчинена субъекту. Здѣсь остается нѣкоторый остатокъ: дѣйствительность не разрѣшается вполнѣ на производимыя ею состоянія сознанія. Однако, и здѣсь остается непосредственное ощущеніе реальности, именно благодаря тому, что всякая субъективная дѣйствительность выражается во вѣщныхъ символахъ и формахъ, общихъ со всею остальною областью дѣйствительности.

Такова внутренняя жизнь человѣка. Однако—вотъ капитальный фактъ. Энергія человѣческой личности не уходитъ сплошь безъ остатка въ очерченную сферу ея жизни. Пройдя весь кругъ видоизмѣненій этой жизни, человѣческое самосознаніе не считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, возможность своей дѣятельности вполнѣ исчерпанной. Непосредственная реальность дѣйствительности не подавляетъ человѣческаго духа окончательно. Восторжествовавъ надъ ней, онъ чувствуетъ еще въ себѣ запасъ силъ, запасъ скрытой энергіи, — но поля для ея примѣненія среди наличной дѣйствительности не находятъ. Между тѣмъ, превращеніе этой энергіи изъ скрытаго въ дѣятельное состояніе есть внутренняя необходимость. Постепенно развиваясь, эта запасная скрытая энергія человѣческаго духа открываетъ иную, вышеналичную (надэмпирическую) дѣйствительность и вступаетъ въ отношенія къ ней.—Вышеналичная дѣйствительность прежде всего открывается человѣку какъ *должное, безусловно — цѣнное*. Въ дѣйствительности эмпирической всякое явленіе, всякій фактъ цѣненъ условно: его можетъ и не быть, ни о чемъ нельзя сказать—оно *должно* быть непремѣнно. У человѣка всегда, въ видѣ осадка отъ впечатлѣній дѣйствительности, остается

смутное сознание, что послѣдняя не заключаетъ въ себѣ внутренняго оправданія своего существованія. Между тѣмъ, идея внутренней безусловной самоцѣнности у человѣка есть (иначе онъ не могъ бы приходить къ отрицательному въ этомъ смыслѣ сужденію о дѣйствительности). Реальное удовлетвореніе эта идея находитъ въ сферѣ бытія надэмпирическаго. Въ этой послѣдней, прежде всего, отрицаются все тѣ элементы наличной дѣйствительности, которые мѣшаютъ ей быть безусловно самоцѣнной, т. е., во—первыхъ, эмпирическая причинность, въ силу которой каждое явленіе свою цѣнность имѣетъ въ иномъ явленіи (а не въ себѣ) и отъ него зависитъ, во—вторыхъ, отсутствіе положительнаго внутренняго содержанія, вслѣдствіе чего все явленія разрѣшаются на формальные законы,—весь міръ можетъ быть выраженъ въ математическихъ формулахъ, опредѣляющихъ внѣшнія формальныя отношенія элементовъ, но не ихъ внутреннее содержаніе (сущность вещей не познаваема—вотъ основной тезисъ человѣческаго разумія дѣйствительности). Въ противоположность этому вышеналичная дѣйствительность обладаетъ, во—первыхъ, отсутствіемъ внѣшняго ограниченія и зависимости: ея бытіе имѣетъ въ ней самой свою причину, а ни въ чемъ либо иномъ, во—вторыхъ, эта дѣйствительность не совокупность формальныхъ соотношеній элементовъ, а внутренняя положительность—*жизнь*. Отличаясь этими общими признаками отъ міра наличной дѣйствительности, это безусловно-цѣнное бытіе занимаетъ въ человѣческомъ сознаніи и отличное отъ первой положеніе. Здѣсь нѣтъ ощущенія непосредственной реальности, поскольку безусловно цѣнное не проявляется въ формахъ наличной дѣйствительности, здѣсь нѣтъ и подчиненія субъекту (такое прямо противорѣчитъ идее внутренней безусловной цѣнности). Безусловно—цѣнное не извнѣ вторгается въ сознаніе, а вырастаетъ внутри его, и потому гносеологическая достовѣрность его измѣряется

иначе, чѣмъ достовѣрность внѣшней дѣйствительности (интуитивно, по степени интенсивности переживаній, связанныхъ съ идеей безусловно—цѣннаго).

Каково качественное содержаніе безусловно—цѣннаго бытія? Выше было упомянуто, что изъ всего міра наличной дѣйствительности для человѣка остается внѣ всеобщей связи одинъ уголокъ бытія—это онъ самъ въ своей внутренней жизни и жизнь другихъ людей. Овладѣть самимъ собой и другими такъ же, какъ веѣми остальными областями бытія, человѣкъ не можетъ. Здѣсь нѣтъ полной прозрачности и ясности, здѣсь явленія не разрѣшаются въ математическіе законы. Въ душѣ человѣка живетъ свобода не въ смыслѣ безразличія выбора, но какъ возможность внутренняго свободного развитія по одному опредѣленному пути, по пути, качественное содержаніе котораго уже давно человѣчество выражаетъ въ терминахъ—истина, добро и красота. Но это—только возможность. Реально—человѣкъ не находитъ въ себѣ и другихъ законченной истины, полного добра и цѣльной красоты. Есть внутреннія требованія ихъ, есть частныя формы осуществленія этихъ требованій, — но элементъ дальнѣйшей возможности всегда и безусловно остается, не переходя въ дѣйствительность. Теперь, — разъ человѣкъ созналъ необходимость безусловно-цѣннаго бытія, то ясно, что содержаніе этого бытія вмѣ должно мыслиться какъ тѣ же истина, добро и красота, чтó и въ немъ, но только не въ формѣ возможности, а—реальности, полного осуществленія. Здѣсь именно обнаруживается перенесеніе въ необходимо сознаваемое вышеналичное бытіе того, что въ самомъ человѣкѣ запечатлѣно характеромъ той же безусловной внутренней цѣнности, («свобода»), каковая должна составлять сущность этого бытія. Разница лишь въ томъ, что послѣднее есть полная реальность, а безусловно цѣнные элементы въ душѣ человѣка даны лишь какъ возможность. Однако, сродство

этихъ элементовъ, а слѣдовательно и всего человѣка, съ безусловно-цѣннымъ бытіемъ несомнѣнно для человѣка. По этому, для него необходимы и дѣйствительныя *отношенія* къ вышеналчнкой безусловно-цѣнной реальности. Здѣсь и возникаетъ религія.

Указанныя отношенія опредѣляются двумя условіями: 1) качественнымъ тожествомъ содержанія человѣческой личности и безусловно-цѣннаго бытія, 2) формальнымъ различіемъ ихъ (возможность и реальность). Разсмотримъ первое условіе.— Положительное безусловно-цѣнное содержаніе дано въ человѣкѣ въ формѣ личности, въ рамкахъ самосознанія. Отсюда это содержаніе и опредѣляется какъ а) абсолютное тожество сознанія и сознаваемого (истина), б) сознательное и свободное осуществленіе признаннаго сознаніемъ за истину (добро), в) самосознательное и свободное переживаніе и оцѣнка процесса такого осуществленія (красота-блаженство). Виѣ этихъ формъ личной жизни безусловно—цѣнное содержаніе для человѣка невозможно. Поэтому и то безусловно-цѣнное бытіе, которое человѣкъ поставляетъ какъ необходимое, повинуюсь вложенному въ него инстинкту должнаго и самоцѣннаго, невозможно и непредставимо иначе, какъ только въ опредѣленіяхъ личности. Отрица послѣднія, нужно отрицать и влагаемое въ нихъ содержаніе. Истины, добра и красоты нѣтъ внѣ личной жизни. Форма и содержаніе здѣсь сливаются неразрывно. Отсюда и получается концепція абсолютной личности, какъ полной реальности безусловно-цѣннаго бытія, получается идея Бога, какъ Высшей истины, правды и красоты въ ихъ реальной полнотѣ,—какъ абсолютной жизни. Изъ такого тожества по содержанію человѣческой личности и Бога слѣдуетъ то, что человѣкъ и Богъ должны непременно находиться *въ общеніи, въ соединеніи, въ связи, въ союзѣ* (religio). Однородное всегда соединяется, подобное ассимилируется. Такъ возникаетъ центральная идея религіи — *Богооб-*

щеніе. Такое Богообщеніе отнюдь не должно быть Богослі- ніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ произошло бы уничтоженіе человѣческой личности, а вмѣстѣ съ нею и въ ней заклю- чающагося безусловно-цѣннаго бытія, неотдѣлимаго, какъ мы показали, отъ формъ именно личнаго существованія. Такое уничтоженіе противорѣчило бы самому понятію о безу- словно—цѣнномъ бытіи. Богообщеніе есть личный союзъ, жизнь двухъ личностей въ одной и той же средѣ, однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, съ сохраненіемъ ихъ формальной самостоятельности и раздѣльности.— По второму условію че- ловѣческая личность есть только *возможность* безусловной цѣнности (истины, добра, красоты), тогда какъ Богъ—реаль- ность ея. Если первое условіе требуетъ для человѣческой личности Богообщенія, то второе условіе говоритъ, что такого Богообщенія нѣтъ до тѣхъ поръ, пока человѣческая личность изъ возможности не перейдетъ въ дѣйствительность безу- словно-цѣннаго существованія. Реального общенія между чистой возможностью и реальностью одного и того же содер- жанія не можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія реальной связи между членами общенія. Но идеально такое общеніе въ дан- номъ случаѣ установлено какъ необходимое. Слѣдовательно, оказывается, что для человѣка, прежде чѣмъ онъ можетъ вступитъ въ общеніе съ Богомъ, нужно перейти изъ состоя- нія безусловно-цѣнной возможности въ состояніе безусловно- цѣнной дѣйствительности, т. е. перевести истину, добро и кра- соту, какъ идеальныя требованія своей личности, въ реальныя формы жизни послѣдней. А такъ какъ реальная полнота истины, добра и красоты есть Богъ, то человѣкъ поставляется въ необходимость стать подобнымъ Ему (но не тождественнымъ, поскольку въ Богѣ нѣтъ перехода изъ возможности въ реаль- ность). Отсюда возникаетъ вторая форма отношеній человѣка къ Богу — *Богоуподобленіе*. Если Богообщеніе есть выраженіе самой сущности этихъ отношеній и включаетъ въ себѣ ко-

нечную *цѣль* человѣка, какъ существа однороднаго съ Богомъ, то Богоуподобленіе касается ихъ формы и является *средствомъ* для означенной цѣли. Соединяя вмѣстѣ сущность и форму, цѣль и средство, получаемъ *Богообщеніе въ Богоуподобленіи*, какъ внутреннюю сущность религіи.—

Въ области эмпирической дѣйствительности господствуетъ внѣшняя механическая связь явленій. Законы матеріальнаго существованія соединяютъ явленія лишь формально. Они не вытекаютъ изъ внутренней сущности самихъ явленій и ея не касаются. Послѣдовательно проведенная законѣрность здѣсь приводитъ къ разрѣшенію всего бытія на формальныя соотношенія элементовъ. Міръ представляется механизмомъ. Иначе—въ сферѣ бытія вышеналичнаго. Какъ мы видѣли, здѣсь центромъ служитъ *личность*. Поэтому, и религія, какъ отношеніе человѣка къ безусловно-цѣнному вышеналичному бытію, корни свои имѣетъ въ индивидуумѣ,—субъектъ религіи—человѣческая личность, объектъ—абсолютная личность (Богъ). Личность—не форма, а реальность съ положительной внутренней цѣнностью. Однако, религія отнюдь не есть сплошной индивидуализмъ, и Богообщеніе въ Богоуподобленіи, какъ выраженіе религіи, не есть субъективное Богообщеніе отдѣльных индивидуумовъ, совершающееся внѣ ихъ взаимнаго соотношенія. Если Богъ есть личность абсолютная (а Онъ именно есть таковая, поскольку обладаетъ безусловно-цѣннымъ бытіемъ), то Онъ долженъ обладать существеннымъ свойствомъ абсолютности—всеобщностью (универсальностью). Абсолютное обнимаетъ все сущее. Если что либо остается внѣ его, то его абсолютность уничтожается. Если Богъ есть безусловная цѣнность, то ничто не можетъ существовать внѣ отношеній и связи съ Нимъ. Съ другой стороны, человѣкъ не можетъ считать себя, какъ отдѣльную личность, носителемъ всего сущаго. Правда, онъ именуется микрокосмомъ, но лишь въ смыслѣ субъективнаго отраженія

всего міра. Зеркало, отражающее въ себѣ виѣшніе предметы, не можетъ разсматриваться, какъ реальный ихъ носитель или представитель. Кромѣ того, среди окружающаго человѣка бытія есть сфера, которой онъ не можетъ даже и отражать вполне и всецѣло. Это—другіе люди и ихъ личная жизнь. Слѣдовательно, если идея Бога, какъ абсолютной личности, въ отношеніи къ бытію вообще и человѣку въ частности, поставляетъ Богообщеніе, какъ конечную и общую цѣль всего бытія, то эта цѣль никакъ не можетъ достигаться путемъ обособленнымъ и индивидуальнымъ, отдѣльными личностями независимо другъ отъ друга. Если цѣль по своей природѣ всеобща и универсальна, то и осуществленіе ея должно носить универсальный характеръ. Но все бытіе распадается на двѣ части—сознательно-личную (человѣчество) и бессознательно и безличную (міръ виѣшний—природа неорганическая и органическая). Такъ какъ Богообщеніе достигается путемъ свободнаго Богоуподобленія, то ясно, что оно возможно лишь тамъ, гдѣ есть сознаніе и свобода, т. е. въ личности,—въ человѣчествѣ. Поэтому, Богообщеніе есть конечная идеальная цѣль всего человѣчества, какъ міра сознательныхъ и свободныхъ существъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, уничтожится граница между идеаломъ и дѣйствительностью,—и бессознательное и безличное бытіе будетъ причастно этому Богообщенію по своей связи съ человѣчествомъ. Этотъ религиозный идеалъ Богообщенія чрезъ Богоуподобленіе по своему существу представляется, какъ мы видѣли выше, органическимъ объединеніемъ Бога и человѣчества (единство внутренняго содержанія при сохраненіи индивидуальности). Осуществленіе этого идеала, слѣдовательно, тоже должно имѣть органическій характеръ. Изъ личныхъ субъективныхъ стремленій къ Богообщенію никогда не создается объективный организмъ, въ которомъ все человѣчество объединено съ Богомъ. Если въ идеалѣ все человѣчество, то и въ процессѣ его

осуществленія должно участвовать тоже *все человечество*,— если идеаль органиченъ (единство внутренней жизни, объединяющее въ одно цѣлое носителей этой жизни), то таковъ же и процессъ его осуществленія—все человечество въ этомъ процессѣ должно быть *органически объединеннымъ*. Обособленное индивидуальное Богообщеніе разрушаетъ цѣлостность понятій о Богѣ и человечествѣ и лишаетъ религію объективнаго характера, сводя ее къ однимъ субъективнымъ переживаниямъ.

Догматико-каноническое ученіе о церкви. Изложенное представляетъ опытъ выведенія идеи церкви изъ внутренней сущности религіи на почвѣ психологической и философской. Конечный выводъ изъ приведенныхъ соображеній тотъ, что люди должны объединиться въ одинъ религіозный союзъ, который, чрезъ Богоуподобленіе отдѣльныхъ своихъ членовъ, долженъ стать Богоподобнымъ, какъ цѣлое, и образовать органическое единеніе съ Богомъ. Такою именно религіей и съ такимъ же конечнымъ выводомъ и является *христианство*. Оно поставляетъ конечную цѣлью для всего человечества—Богообщеніе, соединеніе съ Богомъ во Христѣ, какъ Богочеловѣкъ: «Да будутъ едино, якоже мы едино есмы. Азь въ нихъ и Ты во Миѣ, да будутъ совершени во едино, и да разумѣеть міръ, яко Ты Мя послалъ еси» (Іоан. XVII, 22—23).

Идеаль этотъ осуществляется человечествомъ посредствомъ Богоуподобленія—«Будите убо совершенни, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть» (Мѡ. V, 48), «Будите святы, яко святъ есмь Азь Господь Богъ вашъ» (Лев. XI, 44). Христіанскій идеаль, понимаемый объективно, какъ реальное тѣсное общеніе всего человечества съ Богомъ чрезъ Христа, есть *Церковь, какъ Тѣло Христово*—«и Того (Спасителя) даде (Богъ) Главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его,

исполненіе исполняющаго всяческая во всёхъ (Еф. I, 22—23). Церковь есть Тѣло Христово въ томъ именно смыслѣ, что человѣчество въ своемъ соединеніи со Христомъ составляетъ какъ бы Его тѣло—столь тѣсно и органично это соединеніе. Выражая такую внутреннюю сущность Церкви—Тѣла Христова, ап. Павелъ и уподобляетъ ее союзу брачному (Еф. V гл.), подобно тому, какъ ветхозавѣтные пророки—(Осія I, Иерем. III, Иерем. XVI; ср. кн. Пѣснь пѣсней) завѣтъ Бога съ народомъ Израильскимъ, служившій прообразомъ новозавѣтной церкви, представляли въ формѣ брачнаго союза. Церковь, какъ Тѣло Христово, есть именно организмъ, проникнутый единствомъ Божественной жизни при сохраненіи самостоятельности человѣчества и Божества, есть то, что являлъ собою Самъ Спаситель, въ которомъ Божество и человѣчество органически объединены въ единствѣ Божественной Личности. I. Христосъ есть Основатель и Глава Церкви и въ этомъ отношеніи именуется въ свящ. писаніи (1 Кор. XV, 45) послѣднимъ Адамомъ. Это наименованіе еще болѣе подчеркиваетъ органичность Церкви, какъ Тѣла Христова, вообще и органическое отношеніе къ ней Спасителя въ частности. Смыслъ сравненія I. Христа съ Адамомъ заключается—въ формальномъ сходствѣ отношеній Адама и Христа къ человѣчеству (или—въ примѣненіи къ Христу—къ Его Церкви, составляемой изъ людей) при ихъ внутренней противоположности. Первый Адамъ—глава грѣховнаго человѣчества, которое именно отъ него получило (исторически) и получаетъ (въ каждомъ отдѣльномъ своемъ членѣ) свою грѣховность. Человѣчество соединено съ Адамомъ не механическимъ и внѣшнимъ образомъ, но внутренне и органически, такъ что вмѣстѣ съ нимъ составляетъ одно тѣло, источникъ естественной жизни котораго—въ его главѣ. Столь-же органически соединенъ со Своею Церковію и второй Адамъ—отъ Него, какъ и отъ перваго Адама, изливается въ человѣчество (или Церковь) жизнь, но

жизнь не грѣховная, а святая, истинная, Божественная. Итакъ, по воззрѣнію свящ. писанія, — Церковь есть Тѣло Христа, послѣдняго Адама.

Но такая церковь есть идеаль. По окончаніи временъ таинственное Тѣло Христа торжественно явить во всѣхъ своихъ членахъ единый образъ Божій—и вмѣсто царства благодати откроется царство славы, которое и будетъ исполненіемъ предопредѣленія Божія о возглавленіи во Христвѣ «всего, что есть на небесахъ и на землѣ» (Еф. I, 10). Теперь царство славы еще не наступило. Слѣдовательно, Церковь въ ея идеальномъ моментѣ еще не существуетъ. Въ настоящее время эта идеальная церковь только создается. Сфера ея созиданія—міръ человѣческой. Здѣсь является Церковь, какъ постоянно возрастающее Тѣло Христово, получившее свое начало на Голгоѣѣ,—это Тѣло «слагается и составляется... возрастаетъ въ своемъ составѣ» (Еф. IV, 15, 16). Слѣдовательно, необходимо различать—1) идеальную Церковь, которая по существу своему есть Тѣло Христово, 2) Церковь въ явленіи, въ мірѣ людей, Церковь въ ея созиданіи. Вотъ два момента общаго понятія Церкви. Но между обоими этими моментами должно быть тѣсное соотношеніе и сродство. Если первый моментъ—Церковь, какъ Тѣло Христово—носитъ неограниченно всеобщій характеръ (съ Богомъ должно объединиться все человѣчество), то такой же характеръ носитъ и Церковь въ мірѣ людей, являющаяся подготовленіемъ и созиданіемъ Тѣла Христова. Въ этомъ подготовленіи должно участвовать все человѣчество. Церковь не строится обособленными личными усиліями отдѣльныхъ людей. Отсюда и возникаетъ то, что церковь въ ея явленіи въ мірѣ людей есть *общество*. Смыслъ существованія земной Церкви въ томъ, чтобы сдѣлать для людей возможнымъ достиженіе христіанскаго идеала—Богообщенія чрезъ Богоуподобленіе. Тотъ, Кто далъ этотъ идеаль, указалъ и частныя

средства, коими этотъ идеаль достигается. Эти средства, значеніе которыхъ въ томъ, что они приводятъ людей къ Богоуподобленію, суть: правая вѣра, сообразная съ вѣрой жизнь и постоянное содѣйствіе человѣческой свободѣ Божественной благодати (Юан. III, 36; XVI, 10; VI, 53; Еф. IV, 11—12). Жизнь Церкви—общества и должна состоять въ такомъ пользованіи этими средствами, чтобы достигалось Богоуподобленіе не отдѣльныхъ только лицъ, но всего общества, всей Церкви. Общій выводъ изъ этихъ догматическихъ посылокъ въ примѣненіи къ понятію о Церкви долженъ быть такой: Церковь, по своему существу являющаяся Тѣломъ Христовымъ, съ формальной стороны своего проявленія въ мірѣ и человѣчествѣ есть общественный союзъ (или общество) людей, соединившихся для пользованія единымъ ученіемъ вѣры, для взаимнаго усовершенія нравственнаго, для полученія отъ Бога благодатныхъ средствъ къ установленію правильной христіанской жизни и для взаимнаго общенія въ таинствахъ и богослуженіяхъ,—ради достиженія высшей конечной цѣли, назначенной Богомъ всему человѣчеству,—спасенія, состоящаго въ Богообщеніи чрезъ Богоуподобленіе.

Церковь—общество есть сфера созиданія Церкви—Тѣла Христова—и потому носитъ телеологическій характеръ (она должна быть непремѣнно такова, чтобы достигалась общая цѣль Церкви—Богообщеніе въ Богоуподобленіи). Поэтому и внѣшній строй Церкви общества не безразличенъ въ догматическомъ отношеніи: на немъ должны отражаться основныя черты Церкви—Тѣла Христова. Эти послѣднія, какъ мы указали, таковы: органичность (съ формальной стороны) и божественность (съ матеріальной). Поэтому, Церковь—общество должна быть—1) общественнымъ организмомъ, 2) проникнутымъ началами божественной жизни. Церковь—общество образуется и пребываетъ въ мірѣ людей. Въ этомъ мірѣ божественная жизнь (внутреннее содержаніе Церкви—Тѣла

Христово) можетъ раскрываться въ сферѣ отношеній людей къ Богу и въ области взаимоотношеній людей между собою. Первые отношенія — суть религіозныя, вторыя — нравственныя. Поэтому, внутренняя жизнь церковно—общественнаго организма можетъ быть не иной, какъ только жизнью религіозно—нравственной. Сущность этой жизни — любовь, какъ дѣйствительная форма органическаго объединенія людей между собою и съ Богомъ. — Таковымъ организмомъ именно и является Церковь — общество въ *канонахъ*, или въ тѣхъ опредѣленіяхъ внѣшняго строя Церкви, которыя были созданы Церковью въ первый періодъ ея жизни (I—VIII в. в.). Данное здѣсь типическое изображеніе внѣшняго строя церковнаго общества должно представить въ слѣдующихъ чертахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Ректора Иркутской Духовной Семинаріи Архимандрита Никона отцамъ и матерямъ учащихся въ Семинаріи, Иркутскому «Стачечному Комитету» послѣднихъ дней (15—21 окт. с. г.), всѣмъ социаль-демократамъ, социалистамъ-революціонерамъ и гражданамъ Иркутска.

Время съ 9¹/₂ часовъ вечера 15 октября по 23 октября сего года — самое тяжелое время во всей моей жизни. Никогда мнѣ не приходилось въ одно и тоже время такъ много и думать, и дѣлать, — и невыносимо страдать, и безконечно любить. Въ эти дни я прекрасно сознавалъ свою величайшую нравственную отвѣтственность, свою отвѣтственность предъ Богомъ, совѣстію и людьми буквально за каждый свой шагъ, за каждое свое дѣйствіе и даже слово... Буря бушевала многая, громады волнъ безпорядочно неслись отовсюду, мои юные пловцы — ученики ежеминутно могли окончательно погубить себя, разбить всю свою жизнь; пужна была мудрость Соло-

монова и кротость Давидова, мудрость змія и кротость голубя,— нужно было все сообразить, предусмотрѣть и, — оставаясь, непремѣнно оставаясь честнымъ, — спасти въ эту бурю возможно—большее число неумѣлыхъ пловцовъ... И я видѣлъ свою неспособность, свою слабость въ эти тяжелые дни... Сердце мое болѣзненно сжималось, исполнялось самою искреннею и горячею любовію къ своимъ дѣтямъ, а голова часто положительно отказывалась соображать, работать; ночи и дни безъ сна и одной минуты покоя разстроили мои нервы до послѣдней степени... Я молился Создателю своему, просилъ Его помощи и вразумленія!.. И поступалъ я такъ, какъ мнѣ повелѣвала совѣсть... Я ни разу не попустился ею...

Считаю своимъ долгомъ повѣдать открыто событія прошлыхъ дней; можетъ быть, въ моемъ безхитрономъ разсказѣ*) для кого либо что нибудь и окажется полезнымъ... Гласность — прекрасная вещь...

Въ 190^{5/6} академическомъ году нѣкія нестроенія въ жизни нашей Семинаріи начались съ самаго начала учебныхъ занятій. Дѣло въ томъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ, — кажется, во Владимірѣ, — собирався съѣздъ депутатовъ отъ Духовныхъ Семинарій. Были и наши... И вотъ въ началѣ текущаго учебного года воспитанники Иркутской Семинаріи трижды собирались въ одномъ изъ классовъ Семинаріи, — каждый разъ съ моего особаго разрѣшенія, — для подробнаго обсужденія «петиціи», выработанной представителями девяти Семинарій во Владимірѣ. Должно замѣтить, что я единственно — вѣрнымъ способомъ для прекращенія какихъ либо «движеній» въ учебныхъ заведеніяхъ признаю свободный и подробный разборъ «движенія» сначала самими воспитанниками, а потомъ руководителями, нами, — совмѣстно съ учениками.. Четвертый

*) Не до краснорѣчія мнѣ теперь!..

разъ для обсужденія общесеминарскихъ вопросовъ, вызванныхъ указанной «петиціей», мы собирались вмѣстѣ... Бесѣдовалъ я, подробно разбирая каждый пунктъ и параграфъ «петиціи», примѣрно съ 9^{1/2} ч. в. до 11^{1/2} ч. ночи... Всѣ четыре собранія прошли въ полномъ спокойствіи, нисколько не отразившись на ходѣ семинарской жизни и не оставивши теченія учебныхъ занятій... Дѣло съ «петиціей» Семинаристовъ было закончено... Это было въ сентябрь мѣсяцъ... Въ началѣ октября сего года почти всѣ свѣтскія учебныя заведенія города Иркутска объявили частичныя «забастовки», поводомъ къ коимъ былъ случай увольненія нѣкоторыхъ воспитанниковъ Промышленнаго Училища. Подавался «петиціи», «резолуціи»... Воспитанникамъ нашей Семинаріи предложено было присоединиться къ забастовкѣ. Собирались «сходки», говорились «рѣчи»... Для разрѣшенія вопроса о происшествіи въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанники Семинаріи, — опять съ моего особаго разрѣшенія, — устроили два собранія (одно безъ меня и другое со мною). «Событіе» было разобрано подробно и честно... Семинаристы отказались отъ участія въ «забастовкѣ» и учебныя занятія въ ней (въ Семинаріи) и послѣ этихъ собраній продолжались обычнымъ порядкомъ...

Но вотъ 14 и 15-го октября въ городѣ начались массовыя «политическія» забастовки желѣзнодорожныхъ служащихъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ чиновниковъ, приказчиковъ и извозчиковъ. Въ виду нарушенія спокойствія городской общественной жизни свѣтскія учебныя заведенія гор. Иркутска, по распоряженію г-на Иркутскаго Генералъ-Губернатора, 15 октября были съ полдня закрыты впродъ до особаго распоряженія*). Въ нашей Семинаріи все было совершенно тихо.. 14 и 15-го числа учебныя занятія не прекращались и шли обычнымъ порядкомъ... Не замѣчалось

*) Мы объ этомъ узнали гораздо—позже, не ранѣе 16-го октября.

рѣшительно никакого волненія, движенія... Внезапная, неожиданная (какъ оказывается и для самихъ учениковъ, громаднаго большинства ихъ) «забастовка», специально и исключительно на политической почвѣ, — произошла въ Семинаріи вечеромъ 15 октября.

Въ этотъ день (суббота) послѣ всенощнаго бдѣнія и ужина, на которыхъ воспитанники держали себя вполне мирно, тихо и спокойно, — обычно, въ Семинарскомъ залѣ читался преподавателемъ философіи Н. П. Березовскимъ первый рефератъ настоящаго учебнаго года — «О приходѣ». На рефератѣ присутствовало добровольно около 60 воспитанниковъ, преимущественно, правда, но не исключительно, — младшихъ классовъ; присутствовали я, преподаватель богословія М. В. Одинцовъ и помощникъ инспектора И. А. Арефьевъ. Я нѣсколько удивился отсутствію учениковъ старшихъ классовъ, но объяснилъ себѣ это, почти полное, отсутствіе старшихъ малою «модностію» темы реферата... Рефератъ былъ прочитанъ и началась бесѣда по поводу положеній референта.. И вотъ, около 9½ часовъ вечера, во время бесѣды о рефератѣ, когда я что то такое объяснялъ одному ученику — вопрошателю, послышался шумъ приближающейся къ дверямъ залы толпы... Толпа воспитанниковъ человекъ около 40, преимущественно старшихъ классовъ, толпа разгоряченная, наэлектризованная, съ красными лицами и гнѣвными глазами, — врывается въ залъ и, правда довольно вѣжливо, проситъ меня прекратить рефератъ, а залъ освободить и дать для сѣдки. Требуютъ, чтобы «Начальство ушло изъ залы»... На это требованіе я очень сдержанно замѣтилъ, что исполнить просьбу ворвавшихся не могу. «Дивлюсь, — говорятъ я толпѣ, — почему вы позволяете себѣ невѣжливое вторженіе въ залъ; объявленіе о рефератѣ уже три дня тому назадъ было вывѣшено въ вѣстибюль; вы отлично знали, что сегодня, именно теперь, залъ занятъ. О своемъ желаніи

собраться можно было заявить миѣ, какъ это и дѣлали вы раньше, за день—полтора, наконецъ сегодня послѣ ужина, до реферата; я, вѣроятно, и разрѣшилъ бы вамъ устроить собраніе, какъ разрѣшалъ это ранѣе... Поднялся порядочный шумъ... Слышалось: «мы требуемъ», «мы должны», «пойдемъ, господа, въ 4-й классъ», «не имѣли физической возможности сказать ранѣе» и т. п.; больше ничего разобрать было нельзя.. Я отлично видѣлъ, что разгоряченная толпа хочетъ возбудить спокойное «большинство»,—напр., тѣхъ, которые мирно слушали рефератъ и теперь жались... Я заявилъ толпѣ, что зала «не даю и сходку сегодня не разрѣшаю». Послышались голоса—«мы и сами созовемъ», «господа, въ 4 классъ»,—и толпа съ шумомъ полетѣла въ 4 классъ.. Виднѣлось очень много учениковъ колеблющихся, незнающихъ куда и зачѣмъ идти... Рефератъ, конечно, былъ мною прерванъ и я пошелъ въ свои келліи... Я еще ничего собственно не понималъ...

Прошло не болѣе 15—30 минутъ. Послѣ этого раздались самые отчаянные крики—«долой Самодержавіе», самое безобразное оранье «Дубицушки» и т. п. Обычная семинарская жизнь вполне нарушилась... Кричали, курили въ корридорахъ; появилось много пьяныхъ... Около 11 часовъ ночи я по своему обыкновенію, (признаюсь, въ настояцій разъ не съ легкимъ сердцемъ и помолитвись), пошелъ по ученическимъ спальнямъ и корридорамъ Семинаріи. Лампы горѣли во всѣхъ классахъ (а онѣ должны были быть уже потушены), спальни были почти пусты; ученики толпами, группами человѣкъ по 5—10, ходили, кричали, махали руками.. Возбужденіе было весьма сильное... Я предлагалъ воспитанникамъ разойтись по спальнямъ, по мое предложеніе воспитанниками молчаливо не исполнялось... Я понималъ, что рѣшено прекратить всякіе разговоры съ Начальствомъ, всякія

съ нами сношенія и отношенія*), — и этимъ, между прочимъ, выразить свое отрицаніе настоящаго государственнаго порядка... Ни одной оскорбительной фразы я не слышалъ... Всѣ только молчаливо не повиновались...

Около 12 часовъ ночи я вторично обошелъ весь корпусъ; лампы все еще горѣли и ученики все еще разгуливали; послушанія не прибавилось, а пьяныхъ — прибавилось...

Въ часовъ 12 я легъ, не раздѣваясь, на кровать свою... Сердце ныло, болѣло, за моихъ дорогихъ «ребятъ», а голова трещала, ломилась отъ самыхъ тяжелыхъ думъ... Часовъ до 4-хъ утра слышались пьяные голоса учениковъ, «блеваніе»... Грустно, страшно грустно...

16 октября Божественной Литургіи въ Семинаріи не было: воспитанники отказались идти къ службѣ и я не нашелъ возможнымъ совершать богослуженіе въ виду крайне — возбужденнаго настроенія учениковъ. Въ 9 ч. утра, вмѣсто Литургіи, у воспитанниковъ была вторая сходка, въ 4-мъ классѣ, по окончаніи которой я вывѣсилъ такое объявленіе: «Сегодня (16 го) въ 10¹/₂ ч. утра покорнѣйше прошу воспитанниковъ собраться въ ученическое зало для 15 — минутной бесѣды (о водвореніи честныхъ отношеній между учащимися и учащими Семинаріи)». Въ назначенное время въ зало воспитанники не собрались, а представили мнѣ, ворвавшись (безъ крика, но со многимъ шумомъ) въ количествѣ человекъ восемь въ мою квартиру, «резолюцію», принятую ими на собраніи 16-го октября. Вотъ содержаніе этой крайней, несомнѣнно не учениками составленной, наполовину ими непонятой, «резолюціи»: «Прекращая учебныя занятія, мы, нижеподписавшіеся воспитанники Иркутской Духовной Семинаріи присое-

*) Это — вѣрный, обычный, но врядъ ли честный, способъ порабощенія толпы, другихъ (рѣзкость начала и прекращеніе бесѣды съ начальствомъ).

двняемся къ всеобщей Россійской политической забастовкѣ и требуемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, — признавая, что созывъ его возможенъ лишь по революціонномъ сверженіи самодержавія»; далѣе слѣдуютъ подписи (числомъ 175).

Въ виду изложенныхъ событій, происшедшихъ вечеромъ 15-го и днемъ 16-го октября, рѣчи о продолженіи учебныхъ занятій въ Семинаріи, конечно, быть не могло. Въ часовъ 11 — 11^{1/2} дня 16 октября я докладывалъ Архіепископу о всемъ происшедшемъ, много и много умалая по истинѣ безобразное поведеніе учениковъ въ Семинаріи...

Въ 1 часть дня 16-го октября было мною создано Общее Педагогическое Собраніе Правленія Семинаріи, которое (въ своемъ полномъ составѣ) и разсматривало самымъ подробнымъ и милостивымъ образомъ все дѣло. Вотъ постановленіе Педагогическаго Собранія: «Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о закрытіи Семинаріи. Воспитанниковъ*) считать уволенными, но въ виду прекращенія желѣзнодорожнаго движенія, препятствующаго большинству учениковъ сейчасъ же выѣхать изъ города, — предложить имъ выѣхать изъ общежитія въ пятнадцатидневный срокъ, съ условіемъ соблюденія за это время обычныхъ правилъ Семинарскаго общежитія.» Прибѣгнуть немедленно къ принудительнымъ мѣрамъ Правленіе не нашло нужнымъ, жалѣя юношей. Постановленіе Собранія Архіепископомъ было 16-го же октября утверждено.. За обѣдомъ (16-го) присутствовали далеко не все ученики; молитвы послѣ обѣда не пѣли... Весь день, 16-го октября, б. ученики вели себя очень и очень плохо, хотя много лучше, чѣмъ вечеромъ и ночью 15-го. Сходки собирались почти непрерывно, пѣлись Марсельеза, «Дубинушка» и т. п. пѣсни;

*) Подавшихъ «резолуцію».

ужинали когда хотѣли, лампы горѣли позже обыкновеннаго, молчаливо не слушали ни меня, ни инспектора... Ужасный день!

Утромъ 17-го октября встали и пили чай воспитанники «когда хотѣли». Литургія опять не было... Часовъ въ 8 утра я вывѣсилъ воспитанникамъ три объявленія: первое о постановленіи Педагогическаго Собранія 16 октября*); второе о сдачѣ книгъ въ фундаментальную, безвозднуую, ученическую и Братскую бібліотеки, — казенныхъ вещей, физическаго кабинета, переплетной и церкви; третье такого содержанія: «Еще разъ прошу б. воспитанниковъ собраться (въ 9^{1/2} ч. ут.) въ ученическое зало, для бесѣды съ своимъ б. Ректоромъ. Никакихъ увѣщаній не услышите; я лишь кратко ознакомлю васъ съ состояніемъ Семинарской жизни. Не желаете собираться всѣ, пришлите мнѣ депутацію»...

Въ 9^{1/2} ч. у. ученики не собрались, а прислали ко мнѣ депутацію человекъ изъ шести. Я принялъ депутацію, усадилъ ее и мы стали разсуждать. «Вы не услышите отъ меня увѣщаній**); я вижу, что вы не желаете говорить съ нами... Я прошу васъ передать своимъ товарищамъ слѣдующія четыре мои положенія: 1) у васъ какъ «забастовка»? противъ меня, инспектора или кого либо изъ преподавателей? Нѣтъ... Противъ порядковъ Духовныхъ Семинарій вообще, для полученія новыхъ правилъ и правъ Семинаріямъ? Нѣтъ... И такъ, у васъ забастовка чисто «политическая». Вы прекратили занятія, отринули наше начальствованіе надъ собою, — требуя Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, при-

*) Вотъ подлинный текстъ этого объявленія: „По постановленію Педагогическаго Собранія Правленія Семинаріи, — утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, — Семинарія закрывается. Воспитанники считаются уволенными. Предлагается б. воспитанникамъ въ 5-дневный срокъ оставить общежитіе, при условіи соблюденія ими за это время основныхъ правилъ Семинарскаго общежитія. Правленіе надѣется, что сами воспитанники озаботятся поддержаніемъ должнаго порядка. Билеты можно получить въ Канцеляріи съ 17-го октября (10^{1/2} ч. утра)“.

***) Говорилъ я ученикамъ приблизительно такъ.

мого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, желая революціоннаго низверженія самодержавія и водворенія народнаго правительства. Зачѣмъ же вы безбразничаєте въ стѣнахъ Семинаріи? Къ чему вы пьянствуете, не ходите на молитвы, ѣдите когда вздумаете, ложитесь спать и встаете по своему произволу, цѣлый день шляется по улицамъ, собираете въ Семинаріи безконечныя сходки, орете и т. п.? Мнѣ думается, что этимъ вы только мараєте свой, по вашему мнѣнію, великій принципъ, — свою, по вашему мнѣнію, великую идею... Стыдитесь!. 2) Передайте своимъ товарищамъ, чтобы они никогда не забывали, что они въ школѣ, да еще въ церковной школѣ. У васъ два, такъ сказать, начальства; государство и церковь православная. Вы пострадаете непременно. Церковь никогда не участвовала и никогда не будетъ участвовать въ «революціонномъ сверженіи самодержавія». Желѣзнодорожныя, почтовые, телеграфныя и т. п. чиповники, можуть быть, — я этого не знаю, — не пострадаютъ, а вы, воспитанники средне-учебнаго, да еще церковнаго, заведенія, непременно и сугубо постраждете. 3) Меня удивляетъ Ваше отношеніе ко мнѣ. Вы не позволяете мнѣ, инспектору и инымъ начальникамъ входить въ тѣ классы, гдѣ у васъ сходки; вы хотите, чтобы мы исполняли ваши неразумныя желанія.. Мы, отнюдь не желая прибѣгать къ силѣ сторонней, исполняемъ ваши требованія.. Мы терпимъ ваши сходки, пѣнія, крики, нарушенія самыхъ элементарныхъ правилъ общежитія. Какъ же вы — то допускаете себѣ врываніе, вторженіе въ мою квартиру безъ доклада, спроса... Вчера ваша депутація съ «резолуціей» ворвалась ко мнѣ! 4) Я не буду говорить о цѣли вашихъ «забастовокъ», — худа ли она или хороша; это вопросъ спорный и вы не желаете со мной объ этомъ говорить; скажу вамъ только истину безспорную: то средство, которое вы, мои бывшіе ученики*), употребили, «ваша» забастовка

*) .0 другихъ говорить не буду.

— «неаѣность изъ неаѣностей и глупость изъ глупостей»...
Такъ я закончилъ свой разговоръ съ депутаціей...

На мое первое и третье положеніе депутаты сказали миѣ, что воспитанники сознають скверность своего поведенія въ Семинаріи, но сдержатъ себя и другихъ не могутъ, часто не въ силахъ. Со вторымъ моимъ положеніемъ одинъ депутатъ (о другихъ - не знаю) не согласился. На четвертое возраженіе депутаты ничего не сказали... Депутація удалась...

Черезъ минутъ двадцать послѣ этого ко миѣ пришли опять депутаты: они просили меня отъ имени воспитанниковъ «побесѣдовать съ ними, со всѣми учениками». Я согласился и попросилъ ихъ собраться въ зало. Ключъ отъ зала оказался утеряннымъ, а потому черезъ минутъ пять я вышелъ къ ученикамъ въ ученическую столовую, куда они собрались съ моего разрѣшенія.

Когда я вошелъ въ столовую, ученики очень вѣжливо встали и пропѣли молитву— «Днесъ благодать Святаго Духа на събра». Для меня они любезно поставили стуль... Я сѣлъ на лавку и началъ бесѣду примѣрно такъ: Я дважды, господа, усердно просилъ васъ побесѣдовать со мною. Первый разъ вы рѣшительно отказали миѣ въ моей просьбѣ, а второй разъ вы почли за лучшее говорить со мною черезъ депутацію. Теперь „вы“ просили меня на бесѣду съ вами, а слѣдовательно вы должны и начинать бесѣду. Только долгомъ считаю въ началѣ, бесѣды, попросить васъ— будемъ избѣгать депутацій, — не присылайте лучше миѣ ихъ. Я захочу побесѣдовать съ вами, — соберемся и мирно потолкуемъ; вы пожелаете поговорить со мною, — пригласите меня: я никогда не отказывалъ вамъ въ собесѣдованіи и всегда приду къ вамъ. Вѣдь мы съ вами близко знакомы. Не будемъ поставлять между собою депутацію, а будемъ бесѣдовать лицомъ къ лицу. Депутаты очень легко, одни по неразумію, а другіе, это воплиѣ возможно, по умыслу, одни по невѣдѣнію, другіе по

вѣдѣнію, одни невольно, другіе злою волею, — депутаты очень легко могутъ невѣрно или неточно передать вамъ мои слова и мысли, а мнѣ — ваши. Лучше говорить непосредственно другъ съ другомъ... А теперь — я кончилъ; начинайте бесѣду; перебывать другъ друга не станемъ...

Послѣ этого одинъ ученикъ всталъ и прочелъ мнѣ слѣдующія четыре рѣшенія „сходки“ учениковъ, о которыхъ бесѣдовать меня пригласили: 1) устранить инспекцію отъ инспекторскихъ обязанностей и учредить особый Комитетъ изъ воспитанниковъ, съ «инспекторскою властію». Комитетъ состоитъ изъ выбранныхъ самими воспитанниками товарищей; онъ является вполнѣ отвѣтственнымъ за порядокъ въ Семинаріи. 2) Сами воспитанники опредѣляютъ время чая, обѣда и ужина. 3) Полная свобода сходовъ и 4) необязательность молитвъ. Когда воспитанникъ кончилъ чтеніе, я подробно и раздѣльно отвѣтилъ на всѣ четыре пункта, рѣшенія: 1) Я спросилъ учениковъ, за кого они почитаютъ меня, Ректора Семинаріи, за чина инспекціи или нѣтъ? Просятъ ли они меня, чтобы я самъ себя устранилъ отъ исполненія ректорскихъ обязанностей или нѣтъ?... Если да*), то я (и это во — первыхъ) не устранию себя и не могу устранить себя отъ ректорскихъ обязанностей. Вы бывшіе воспитанники Семинаріи сей, а я еще и допылѣ, меня еще не уволили, — Ректоръ Иркутской Духовной Семинаріи. Зданія Семинаріи, ея бібліотеки, кабинеты, имущество и т. и., все это ввѣрено моему попеченію, за все это я отвѣтственъ. Устранить себя отъ должности — не могу... Устранить отъ исполненія инспекторскихъ обязанностей г. Инспектора Семинаріи я тоже не могу, не имѣю ни малѣйшаго права; не я Инспектора назначаю, не я его и устранию отъ должности. Я могу, какъ Ректоръ, лишь говорить, лишь совѣтовать Инспектору, — я могу лишь напра-

*) Воспитанники видимо колебались отвѣтить на мой вопросъ, не подготовились къ такому вопросу.

влять его дѣятельность... Хвала Богу, даже въ эти тяжелѣйшіе дни вся инспекція Семинаріи свое трудное дѣло вела и ведетъ прекрасно. Я увѣренъ, что сами ученики не имѣютъ никакого основанія быть недовольными инспекціей... И такъ, Инспектора (и это—во вторыхъ) я отъ должности не устраняю и устранить, хотя бы на 1 часъ, не могу, не имѣю права... Что касается устраненія отъ обязанностей двухъ Помощниковъ Инспектора, то,—хотя и на это я не имѣю полного права,—но все же я рѣшаюсь временно освободить ихъ отъ дежурствъ и наблюденій. Я ихъ трудъ беру на себя*).

Вы просите меня объ учрежденіи особаго Комитета изъ избранныхъ вами воспитанниковъ, съ предоставленіемъ Комитету «инспекторской власти». Вы говорите, что Комитетъ будетъ отвѣтственъ за порядокъ въ Семинаріи... Хорошо,—я разрѣшаю вамъ избрать членовъ Комитета, но я оставляю за собою право и обязанность утвержденія или неутвержденія вашего Комитета. «Инспекторская власть»—понятіе очень растяжимое и я не могу, не зная вашей инструкции Комитету, дать эту власть Комитету юношей... Вся ваша громкая рѣчь объ отвѣтственности Комитета, можетъ быть, очень красивый, но мыльный пузырь... Предъ кѣмъ будетъ отвѣтственъ вашъ Комитетъ, — какъ?! Нѣтъ, за Семинарію отвѣтственъ я, а не Комитетъ вашъ; я отвѣтственъ здѣсь за все, — отвѣтственъ и предъ Богомъ, и предъ своею совѣстію, и предъ начальствомъ, и предъ вашими родителями, и предъ всѣми людьми!...

2) Вы просите, чтобы я далъ вамъ (до 22-го, когда вы должны выбыть изъ Семинаріи) право самимъ опредѣлить время «чая, обѣда и ужина». Все—брюхо, брюхо и брюхо, — точно въ Семинаріи всѣ порядки сводятся къ ѣдѣ... Я согласенъ: опредѣлите время вставанія, первой молитвы, первого чая, обѣда, второго чая, ужина, второй молитвы и время

*) Противъ одного изъ Помощниковъ воспитанники „пѣчатъ“ (совершенно—неосновательно) давно имѣли и я не желаю усложнять дѣло.

тушенія лампъ и «покладанія въ кровати»,—опредѣлите распорядокъ всего дня,—но право утвержденія вашего распределенія я оставляю за собой, ибо отвѣтственъ за Семинарію я... Вы, напр., опредѣлите ложиться спать въ 2 часа ночи... Значить, я и чины инспекціи должны до 2 часовъ ночи сидѣть и смотрѣть—потушены ли будутъ лампы, не случился бы пожаръ и т. п... Или, вы опредѣлите время обѣда въ 4 часа, а время ужина въ 8 часовъ вечера; но вѣдь поварь не можетъ, физически не можетъ, приготовить ужинъ въ такое короткое время*)... Благоразумное распределеніе дня я всегда соглашусь утвердить...

3) Вы просите, далѣе, полной свободы сходовъ.. Не могу не указать вамъ вашей непослѣдовательности: было время—я разрѣшалъ вамъ общія собранія. Вы не можете указать ни одного случая, когда бы я ни съ того, ни съ сего, безъ достаточнаго основанія, не разрѣшилъ вамъ собраться**)... Вы дерзко потомъ отвергли меня,—стали собираться самовольно и бесконечно; къ чему же теперь вы опять просите меня?! Но—это сравнительно пустякъ... Я буду разрѣшать вамъ собранія, если вы заранѣе будете опредѣлять время и мѣсто вашихъ собраній и говорить объ этомъ мнѣ, — при непремѣнныхъ двухъ условіяхъ—собранія происходятъ въ зданіи Семинаріи и безъ постороннихъ лицъ, которымъ входъ въ Семинарію воспрещенъ***) (нужно разрѣшеніе Семинарскаго Начальства)...

4) У васъ «забастовка» политическая; къ чему же вы пугаете здѣсь св. молитвы? Отъ молитвъ я васъ не освобождаю... Я—кончилъ.

*) Говорилъ я объ обѣдѣ и ужинѣ потому, что ученики начинали обѣдать въ 2 и кончали въ 4 часа; ужинъ не могъ готовиться и они пили чай (вмѣсто ужина).

**) Былъ только одинъ случай, когда я не разрѣшилъ ученикамъ собраться сегодня часа въ 2 дня, но разрѣшилъ имъ собраться завтра, съ 4 ч. дня: я убѣждалъ на праздниѣ въ селеніе Худяково и не хотѣлъ, чтобы воспитанники собирались во время моего отсутствія. Воспитанники тогда послушались меня.

***) И во всякое время.

Одинъ изъ б. воспитанниковъ замѣтилъ, — сидя и весьма негромко, — что «это не просьбы учениковъ, а ихъ требованія»... На это я отвѣтилъ такъ: ваши депутація «просила» меня «побесѣдовать» съ вами, а не выслушать ваши «требованія». Если ваши четыре рѣшенія, только что мною разобранныя, «требованія», то право не къ чему было приглашать меня сюда, на «бесѣду»; свою, значить уже вторую, «резолюцію» вы могли бы прислать ко мнѣ черезъ 2—3 человекъ. Я и зналъ бы, что это ваша «резолюція». Я пришелъ на «бесѣду» и — бесѣдую, а не слушаю «требованія»... Кто-то полугромко сказалъ воспитаннику — «замолчи; ничего не понимаешь»!..

Далѣе тотъ же воспитанникъ (весьма дѣльный), который читалъ четыре рѣшенія сходки, обратился ко мнѣ съ просьбою — не могу ли я написать имъ кратко свои отвѣты, послѣ или сейчасъ?.. Я попросилъ у него его бумажку съ ихъ рѣшеніями и карандашъ — и здѣсь же, минуты въ 2—3, написалъ сокращенно, по пунктамъ, свои выше-изложенные отвѣты... Воспитанники сказали, что они скажутъ («изнесутъ») мнѣ свои отвѣты послѣ сходки... Этимъ собственно и закончилась наша «бесѣда»... Одинъ изъ воспитанниковъ*), — надо полагать «уловляя» меня — спросилъ, задалъ мнѣ такой вопросъ: вы сказали, что цѣль нашей забастовки, движенія Россіи, хороша, но наше средство вы безусловно не одобряете... На это я отвѣтилъ примѣрно такъ: Я вамъ этого, какъ помнится мнѣ, не говорилъ. Я говорилъ вамъ нѣчто иное; я говорилъ вамъ, что о цѣли общероссійской забастовки хороша она или плоха, можно спорить, — но то средство, которое вы, мои ученики, употребляете, — нецѣлостно. Я не имѣлъ никакого повода говорить съ вами, а тѣмъ болѣе съ депутаціей вашей, о разумности или добротности цѣли россійскаго движенія; вы меня объ этомъ не спра-

*) Членъ депутаціи, бывшей у меня въ 9¹/₂ ч. утра.

шивали и говорить со мной отказались бы. Если бы вы спросили меня объ убѣжденіяхъ моихъ, я,— можетъ быть,— и сказалъ бы вамъ ихъ...

Другой воспитанникъ (тоже членъ депутаціи въ 9¹/₂ ч. утра) заявилъ, что первый депутатъ мысль мою передалъ вѣрно... Я отвѣтилъ на это, что это — невѣрно*). Я еще разъ просилъ учениковъ избѣгать всякихъ «депутацій», а говорить со мной «лицомъ къ лицу»: тогда гораздо-меньше будетъ случасвь для непониманія другъ друга**).

Послѣ бесѣды была сходка; о чемъ говорили — не знаю, но никакихъ рѣшеній мнѣ по вопросамъ бесѣды не сказали... Подвиглся!...

На обѣдъ (2 ч. дня) явилось лишь 55 человекъ; человекъ 50—60 не пошли въ столовую, а разгуливали по корридору; раздавались голоса: «не ходить на обѣдъ; обѣдъ въ 4 часа дня, когда вернутся товарищи изъ города»...

Когда кончили обѣдъ 55 учениковъ, я вывѣсилъ объявленіе № 4-й; вотъ оно: «Симъ объявляю, что сегодня (17-го) пицца (обѣдъ) будетъ даваться до 4 ч. дня. Повара — люди... — Ваши рѣшенія послѣ нашей бесѣды мнѣ и доселѣ не сообщены».

Всѣ указанные 50—60 человекъ пошли обѣдать не въ 4 часа, а тотчасъ послѣ окончанія обѣда первой группой... Продолжалъ удивляться нарушенію порядка!..

Вечеромъ, конечно, были опять сходки, пѣнія и крики... А отвѣта все нѣтъ и нѣтъ!!.. Ужинали безъ звонка, по собственному почину...

Днемъ и вечеромъ 17-го октября народъ (а по — ученически «черная сотня») сталъ угрожать семинаристамъ «по-

*) За все время „событій“, съ 15 по 22 октября, я велъ маленький дневникъ, въ который кратко вписывалъ все происходившее; тамъ имѣются и четыре пункта моей бесѣды съ депутаціей; они записаны тотчасъ послѣ этой бесѣды, до бесѣды со всеми учениками.

***) Свои убѣжденія, свое мнѣніе о цѣли политическаго всероссійскаго движенія я выскажу кратко въ заключеніи сего письма.

біенієм». Нѣкоторыхъ воспитанниковъ чуть—чуть не побили и даже чуть—чуть не убили... Струсили «ребята» весьма... Просили о. Эконома пораньше запираць на крѣпкіе запоры всѣ двери; установили ночныя дежурства; заперли внутри спальныя двери... Боялись и ждали ночнаго нападенія...

Я распорядился усилить ночной караулъ, держать верховую лошадь на-готовѣ.. Рѣшилъ: въ случаѣ ночнаго нападенія, облачиться въ священныя одежды и, съ крестомъ въ рукѣ, обратиться къ народу съ рѣчью, съ увѣщаніемъ и наученіемъ...

—Тяжелый, очень тяжелый день!... Уважаю учениковъ все меньше и меньше...

Ночь на 18-е октября прошла спокойно. Огни 17-го потушили весьма рано и тихо полеглись въ кровати... 18-го, часовъ въ 8 утра, я вывѣсилъ ученикамъ три новыхъ объявленія: первое такого содержанія (№ 5-й). «Имѣю *вполнѣ*—*достаточно* основанія полагать, что *народъ* (а вовсе не измышленная «черная сотня») *очень сильно* настроенъ противъ васъ, — б. Семинаристовъ. *Считаю долгомъ* предупредить васъ объ этомъ. Въ зданіи ввѣренной мнѣ Семинаріи *постараюсь* оградить васъ, но на улицахъ сего сдѣлать я, конечно, *не могу*. *Совѣтовалъ бы* поменьше пребывать внѣ зданія Семинаріи... *Васъ обманули*...

Вашему неисполненію основныхъ правилъ Семинаріи могу только удивляться!.. Терплю, нбо жалѣю васъ»... Второе — о сдачѣ миссіонерскихъ книгъ, больницы, рисовальнаго и музыкальнаго классовъ, а также церкви (которая доселѣ, см. выше*), была еще не сдана), третье — о переселенія 14 учениковъ изъ Братскаго общежитія въ корпусъ Семинаріи.

*) Объявленіе № 2-й, стр. 693. Курсивъ—подлинниковъ.

Все утро воспитанники сидѣли дома; собирали сходки, но держали себя сравнительно хорошо. Часовъ въ 12 дня депутація принесла мнѣ дополнительный списокъ «революціонеровъ» (18 подписей)... Я и раньше не вѣрилъ сознательности, свободѣ даже, подписей «ребятъ», многихъ учениковъ, а послѣ подачи этой дополнительной резолюціи я отлично видѣлъ массу слезъ подписавшихся (но объ этомъ послѣ)...

18-го октября я принужденъ былъ попросить военное начальство — держать гдѣ либо «вблизи Семинаріи» коннаго казака, дабы я имѣлъ возможность дать знать кому слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, о чемъ слѣдуетъ... Обѣдали всѣ воспитанники вмѣстѣ и по звонку, въ 2 часа дня...

Вечеромъ была сходка, закончившаяся отчаянными криками и мерзкимъ ораньемъ... Все болѣе и болѣе было заплаканныхъ глазъ и ласковыхъ (по отношенію ко мнѣ) взглядовъ...

Послѣ сходки я вывѣсилъ такое объявленіе: «Вы все продолжаете нарушать порядокъ въ Семинаріи. У васъ вѣдь забастовка *политическая*, а потому всѣ ваши «сходки», «рѣчи», «Дубиншпикъ», «долой Самодержавіе» и т. п. умѣстны не въ Семинаріи, а тамъ, — на улицѣ и въ иныхъ домахъ (общественныхъ). Вы бастуете, кричите, ораторствуете изъ — за спины Начальства Семинаріи. Кукши показываете изъ — за угла!... Великая храбрость... Пользуясь моимъ крайнимъ нежеланіемъ прибѣгать къ силѣ сторонней, вы геройствуете въ Семинаріи... Стыдно! Неужели Вы сами этого не понимаете?.. Вамъ даны 5 дней не за этимъ, не для этого...

P. S. Неужели (кстати и о семъ спрошу васъ) вамъ не видать слезъ «ребятъ», — тѣхъ, которыхъ вы ведете, какъ овецъ на заколеніе, которымъ даже мало — понятны слова «республика», «прямые» выборы и т. п.?»

Послѣднюю фразу писать я имѣлъ полное основаніе: уже давно, съ 17-го, со мною разговаривали, когда я что либо спрашивалъ. Я многихъ — многихъ учениковъ спрашивалъ,

что за штука «республика», «конституція», «прямые» выборы и т. п.; большинство не понимало сихъ словъ (особенно многіе не понимали, конечно, словъ—«прямые» выборы)...

Ужинали всѣ и во-время.. Легли рано и тихо...

Ночью, съ 18-го на 19-е, я писалъ свое «последнее» наученіе б. воспитанникамъ и печаталъ его на копировальной машинѣ. Оттиснулъ 19 экземпляровъ и легъ спать...

Тяжело, страшно тяжело на душѣ!!.

Ночь прошла спокойно.. Казака не было.. Утромъ, часовъ въ 8, 19-го октября я вывѣсилъ два новыхъ объявленія. Вотъ они: 1) «У меня еще не высохли ни глаза, ни сердце, ни мозги; я не могу не понимать, что у васъ *строжайше воспрещено* говорить со мною*» (и прочими, ничего худаго не сдѣлавшими вамъ, Начальниками Семинаріи). *Честно-ли* это это????!!.. *Крайне безчестно*.. Это—боязнь за нетвердость «убѣжденій» (сіе ли называется убѣжденіемъ?) своихъ наэлектризованныхъ,—искусственно, эффектнымъ и дутыми словами, невѣрною передачею фактовъ и т. п., настроенныхъ,—сотрудниковъ. Нѣтъ у васъ единства, а есть у васъ обструкція, тотъ самый бойкотъ, противъ котораго вы тогда, когда онъ направленъ *на васъ* и которымъ вы сами крайне любите пользоваться, за который вы тогда, когда онъ *отъ васъ*... *Честно-ли* это????!! Отвѣтъ—очевиденъ»...

2) «16-го и 17-го окт. я усердно просилъ васъ на 15—минутную бесѣду съ собой; вы отказали мнѣ въ моей покорнѣйшей просьбѣ. 17-го же октября вы сами «просили» меня «побесѣдовать» съ вами. Я бесѣдовалъ съ вами, слушалъ ваши желанія и «написалъ» вамъ (согласно вашего желанія) свои отвѣты. *Вы сказали, что отвѣты приносите мнѣ послѣ «сходки»*...

*) О дѣлахъ текущихъ, о «событіяхъ»,

Прошло 2 дня (а я вамъ далъ отвѣты въ 3 минуты).. Гдѣ же отвѣты ваши? *Честно-ли* это?!. Жить въ зданіи Семинаріи вамъ осталось лишь 3 дня^{*)}, а потому я въ отвѣтахъ вашихъ не нуждаюсь (да и вообще то не нуждался!), но я только спрашиваю васъ, вашу чистую (?) совѣсть: *честно-ли* и это?!.»

Утромъ, когда у воспитанниковъ была сходка, швейцаръ доложилъ мнѣ, что пришелъ патруль изъ десяти солдатъ; они спрашиваютъ меня, гдѣ имъ стоять, быть... Я вышелъ къ солдатикамъ... Ученики—толпились и недоумѣвали**)... Оказалось, что вмѣсто казака мнѣ прислало военное начальство десять солдатъ. Я совершенно забылъ, прося одного солдата — казака, что казачья сотня стоитъ не у Семинаріи, что казармы казаковъ отданы давно подѣ госпиталь... Я отвелъ для помѣщенія патруля комнату въ Братскомъ общежитіи, выдалъ патрулю книги для чтенія и велѣлъ кормить его... Лишь на ночь я двухъ солдатъ помѣщалъ спать въ караулкѣ при воротахъ Семинаріи...

Утромъ же, 19-го октября, я приглашалъ къ себѣ 18 воспитанниковъ (разныхъ партій; а партіи «были» и все болѣе и болѣе рѣзко обозначались!) къ себѣ. Они пришли и заявили мнѣ, что если я хочу говорить съ ними, какъ съ частными лицами и о частныхъ дѣлахъ,—то они будутъ меня слушать и говорить со мной; если же я хочу говорить съ ними, какъ съ забастовщиками, то они не имѣютъ на это, на такую бесѣду, полномочій отъ общаго собранія учениковъ... На это я сказалъ имъ слѣдующее: Я не знаю, какъ я хочу говорить съ вами,—такъ ли, какъ съ частными лицами,—такъ ли, какъ съ забастовщиками; я даже вовсе не хочу говорить съ вами сейчасъ. Я пригласилъ васъ, какъ

*) 19, 20 и 21-е октября.

**) Они, кажется, думали, что сейчасъ будетъ обыскъ. Я объяснилъ потомъ нѣкоторымъ изъ нихъ (для передачи всемъ), что солдаты будутъ ночью охранять ихъ отъ народа.

своихъ б. учениковъ; я хотѣлъ бы, чтобы вы передали своему классу мое «послѣднее» наученіе. Я прошу васъ по — классно, это лучше и гораздо честнѣе, разобраться въ моемъ наученіи, — не сразу читать его на общей сходкѣ, гдѣ больше крика и шума, чѣмъ разбора и дѣла... Воспитанники ушли спросить общее собраніе — могутъ ли они взять для раздачи мои 18 наученій (по 3 экземпляра на классъ). Разрѣшеніе послѣдовало и черезъ 10 минутъ я роздалъ 18 экземпляровъ наученія. Одинъ экземпляръ я вывѣсилъ въ вестибюль. Вотъ мое «послѣднее» наученіе моимъ дорогимъ юношамъ. Писалъ я его сердцемъ, кровью, слезами...

«Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ передъ своими бывшими воспитанниками, изъ чувства моей самой искренней любви и сожалѣнія къ нимъ, *послѣдній* разъ обратиться къ нимъ со словомъ наученія. Потому, когда все ваше дѣло пойдетъ изъ моихъ рукъ дальше, — будетъ поздно. — Примите мое малое и опредѣленное слово сіе, какъ мое самое твердое убѣжденіе, по моему, истину, правду.. Обманывать или запугивать васъ не стану...

Вы подали такую рѣзкую, невозможную «резолуцію», за которую вы несомнѣнно подлежите рѣшительному исключенію изъ всякой церковной школы.

Я увѣренъ, я глубоко увѣренъ (и этого не видѣть нельзя), что многіе — многіе, большинство изъ васъ, подписали то, чего не понимали; «увлечены» были. Реформаторами быть пріятно!..

Васъ, г.г., обманули, васъ увлекли горячими и (вѣрю, но далеко не вѣмъ агитаторамъ!) искренними словами... Проидеть 2 — 3 — 9 мѣсяцевъ и, посмотрите, сколько слезъ, самыхъ горячихъ слезъ, слезъ отчаянія, полетятся изъ вашихъ глазъ, какія моленія послышатся изъ вашихъ устъ объ обратномъ пріемѣ въ ту-же Семинарію!? Думайте, сильно думайте, ребята, что вы дѣлаете, куда вы сами себя гоните...

—Думайте честно и необязательно. Повѣрьте, въ миллионъ разъ безчестнѣе считать себя связаннымъ подписью, данною полу, а то и совсѣмъ—безсознательно, въ увлеченіи утробными рѣчами, — чѣмъ открыто, съ опасностью быть наименованнымъ «подлецомъ» (отъ кого?!), честно сказать, что я отказываюсь отъ своего увлеченія; послѣднее — не боязнь за свое благо, а честное, открытое сознание своего личнаго увлеченія очень заманчивыми, какъ болотный огонекъ прелестными, словесами и идеями. О, какъ безчестно, *крайне — безчестно*, поступаютъ тѣ, которые сами, можетъ быть, и искренно—увлеченные, заставляютъ и людей неувлеченныхъ (часто очень мало-понимающихъ) дѣйствовать за «свое», а для послѣднихъ—то «чужое». Это—насиліе, а не свобода, а насиліе всегда было зломъ и всегда таковымъ останется.. Думайте, сильно думайте!..

~~~~~

Семинарія безусловно (если дѣло пойдетъ въ настоящемъ видѣ дальше, по начальству) будетъ закрыта *не менѣе*, чѣмъ на годъ, до 1-го сентября 1906 года; весьма возможно, что она будетъ закрыта и на—всегда. Во всякомъ случаѣ обратный пріемъ вашъ въ Семинарію (Иркутскую или вную) будетъ крайне—труденъ; тщательный выборъ педагогическимъ собраніемъ будущаго состава учащихся и полный вступительный экзаменъ въ тѣ же классы не подлежатъ и малѣйшему сомнѣнію.. Думайте, думайте!..

Я хочу быть съ вами честнымъ до конца. Мнѣ жаль васъ, очень жаль... Я не хочу, чтобы вы когда либо смѣли сказать, что я не предупредилъ васъ... Не въ свое вы дѣло сунулись; рванули и сами себя губите!.. Простите.

Примѣчаніе 1-е. Для 1-го класса обратное поступленіе будетъ *особо труднымъ*, такъ какъ въ 1-й классъ безъ экзамена будутъ сначала приняты ученики выпуска 1906-го года (до 60 человекъ).

Примѣчаніе 2-е. Большинство въ такихъ дѣлахъ — ничто, — у честныхъ людей — не существуетъ».

19-го я былъ у Архіепископа... Тяжело, отчаянно — тяжело!!.. Ребята притихли...

Вечеромъ опять шумъ, опять оранье безтолковое... Завтра 20-е; остается имъ быть въ зданіи Семинаріи лишь два дня...

Вечеромъ 19-го я, посоветовавшись съ своими помощниками, съ чинами инспекціи, заготовилъ объявленіе, которое, — благодареніе Богу! вывѣсить 20-го мнѣ уже не понадобилось. Вотъ это объявленіе, — объявленіе, вынужденное безобразнымъ поведеніемъ б. учениковъ: «Я много—много разъ усовѣщевалъ васъ, говорилъ вамъ о полной нечестности вашихъ самовольныхъ «сходокъ» и т. п. въ зданіи Семинаріи, ввѣренной мнѣ и которая даровала вамъ пять дней не для этого, а для выбитія изъ зданія. Вы продолжали и продолжаете не исполнять моихъ самыхъ разумныхъ и малыхъ требованій.

Объявляю вамъ, что *съ 3-хъ часовъ для 20 октября:*
 1) *ворота Семинаріи закрываются;* 2) *входъ въ зданіе Семинаріи, безъ каждый разъ особаго разрѣшенія Семинарскаго Начальства, квартирнымъ б. воспитанникамъ съ 3 час. д. 20 окт. безусловно—воспрещается;* 3) *входъ въ Семинарію всѣмъ вообще, безъ каждый разъ особаго моего разрѣшенія, безусловно воспрещается и 4) повторяю,—что «сходки», безъ каждый разъ особаго моего разрѣшенія, въ Семинаріи не допускаются.*

За несоблюденіе сказаннаго вы будете уже судиться, какъ за *сопротивленіе власти*, послѣ котораго (сопротивленія) объ обратномъ пріемѣ васъ въ Семинарію (и иныя уч. заведенія) *не можетъ быть никакой рѣчи.*

Оставшіеся 1½ дня *должно* употребить на выбытіе изъ здавія Семинаріи».

Ужинали ученики—въ свое время, въ 8 ч. вечера, тихо... Во время ужина легко было слышать изъ устъ нѣкоторыхъ учениковъ (особенно—горячихъ участниковъ «революціи») слово — «бойкотъ», «бойкотировать будемъ»... Къ кому и къ чему сіе ужасное, пчеловѣческое, слово относилось понять мы, — ни я, ни инспекція, — не могли. Понятно все стало черезъ ½ часа послѣ ужина... Я сидѣлъ дома и писалъ дневникъ... Слезы невольно лились изъ моихъ глазъ за моихъ «ребятъ»... Ко мнѣ явилась депутація со «сходки» учениковъ и спросила меня: что будетъ, если воспитанники «покаются», возьмутъ свои подписи подъ резолюціей назадъ? все ли будутъ приняты?... Мой отвѣтъ былъ таковъ: низшее не благословляетъ высшее, а высшее благословляетъ низшее. Вы все (почти все) уволены изъ Семинаріи не мною, а Общамъ Педагогическимъ Собраніемъ Правленія Семинаріи, утвержденіемъ Его Высокопреосвященства. Отъ той же власти, не ниже, и зависятъ вашъ обратный пріемъ... Ни въ какія условія вступать съ вами по этому вопросу я не имѣю права, не имѣю и малѣйшихъ полномочій... Отъ себя могу лишь сказать: думаю, что все назадъ не будутъ приняты; впрочемъ, — это лишь мое мнѣніе...

Депутація ушла на сходку, а черезъ минутъ 15—20 ко мнѣ начали приходять б. ученики и лично словесно заявлять, что они отказываются отъ «резолюціи» и просятъ меня вычеркнуть ихъ подписи.. Всѣхъ таковыхъ воспитанниковъ 19-го вечеромъ было у меня 108 человекъ... Слышалъ я здѣсь очень интересныя замѣчанія и отзывы о «забастовкѣ», но объ этомъ кратко послѣ, въ заключеніи скажемъ...

На сердце тяжело, но все же легче!...

Съ ранняго утра 20-го октября начали (продолжали) приходять ко мнѣ «убѣжденные» люди, — юноши, — за вычеркиваніемъ. Здѣсь являлись уже и «квартирные» ученики. За 20-е вычеркнулось вновь 49 человекъ... Утромъ 20-го октября я вывѣсилъ слѣдующія четыре объявленія: 1) «Будьте честными!!.. *Убѣжденіе*, конечно, прежде и важнѣе всего. Насиліе, конечно, — зло. Люди, также крѣпко — убѣжденные, какъ крѣпко — кричащіе о своемъ требованіи, всею душою и всѣмъ умомъ убѣжденные въ разумности своей цѣли и своихъ средствъ, — конечно, — должны остаться при своемъ убѣжденіи, работать на своей возлюбленной вивѣ (по ихъ мнѣнію, очень плодородной). Насиловать другихъ — скверно.»

2) «Я весьма и весьма не желаю, чтобы въ моей будущей Семинаріи возможны были какія либо дѣленія на основаніи на 10 минутъ раннѣйшаго или на 30 минутъ позднѣйшаго прошенія о вычеркиваніи фамиліи изъ — подъ «резолуціи». Очень часто бываетъ, что отказавшіеся на $1/2$ дня позже почитаютъ себя великими потому «героями», болѣе стойкими, убѣжденными; это — обманъ, надувательство, одна игра*)...»

Прошенія (личныя) о «вычеркиваніи», отказы отъ увлеченія будутъ мною приниматься лишь *до 4-хъ часовъ дня 20-го октября с. г.* Это для того, чтобы «герои» (см. выше какіе) не возносились и не считали себя наиболѣе честными».

3) «Должно *твердо* вамъ знать и *всегда* помнить: всѣ, принятыя *по величайшему снисхожденію* обратно въ Семинарію, будутъ *немедленно исключены* изъ нея за дальнѣйшее ихъ какое либо массовое безобразіе... Я опять *на себя беру* громаднѣйшую отвѣтственность**)»...

*) Примѣръ сего я пережилъ въ этой же Иркутской Семинаріи по моему пріѣздѣ сюда изъ г. Благовѣщенска; тогда дѣло доходило у партій даже до драки и многой ругани. Скверное время!.. Тяжелыя воспоминанія!..

**) Я уже рѣшилъ употребить всѣ силы, чтобы пощадили учениковъ, юношей.

4) «Ко мнѣ обращались за деньгами на дорогу. Я — отказалъ... Своихъ я не имѣю; казенныхъ — нѣтъ, да и Семинарія помогать вамъ, конечно, не можетъ.

Мой убѣжденный и искренній совѣтъ: «Революціонный Комитетъ», который для васъ съ 16-го октября Начальство и на пользу котораго вы такъ много поработали, — обязанъ (принявъ васъ, юнцовъ, въ свою организацію, — принявъ вашихъ «делегатовъ»*) не только дать вамъ средства добратся до дому, но и содержать васъ до «лучшихъ» для васъ время (напр., до поступленія на службу или въ уч. заведеніе).

Того требуетъ честность!»

Послѣднее объявленіе писать я имѣлъ полное основаніе, такъ какъ дѣйствительно «забастовщики» просили у меня же денегъ...

20-е октября прошло вполнѣ спокойно: порядки семинаріи не нарушались; сходокъ — не было...

21 октября я роздалъ ученикамъ штукъ 20 — 25 отпечатанныхъ мною «примѣрныхъ» прошеній объ обратномъ приѣмѣ ихъ въ Семинарію; одинъ экземпляръ «примѣрнаго» (но не обязательнаго; писать могъ, кто какъ хотѣлъ) прошенія я вывѣсилъ въ вестибюль...

Б. ученики продолжали приходять вычеркиваться и подавали прошенія. Вотъ моя «примѣрная» форма прошенія:

«Въ Правленіе Иркутской Духовной Семинаріи.

Бывшаго воспитаника ? класса оной Семинаріи ??

прошеніе.

Признавая свое увлеченіе и неразумность поданной резолюціи, имѣю честь покорнѣйше просить Правленіе не считать моей подписи подъ резолюціей дѣйствительной, и, ради

*) „Я бы не принялъ, — послалъ бы васъ доучиться!“ Это примѣчаніе было и въ въ объявленіи.

милости, принять меня обратно въ ? классъ Семинаріи. Объявленіе ректора о послѣдствіи моего участія въ возможныхъ будущихъ массовыхъ политическихъ движеніяхъ читалъ.

Бывшій воспитанникъ ? ?»

Къ часамъ десяти—двѣнадцати утра опредѣлилось, что подали прошенія (почти всѣ, но не всѣ*), одинаковой, моей, формы) 163 б. ученика**). Не подало прошеній объ обратномъ приѣмѣ къ 2 часамъ дня — 40 учениковъ (изъ нихъ 8 учениковъ — по незнанію послѣднихъ «событій»: квартирные и уѣхавшіе уже домой, согласно опредѣленію Правленія отъ 16-го октября; 8 учениковъ, не подписавшихъ «резолуціи»)..

Цѣлый день, 21 октября, съ утра и до 12 час. дня, я призывалъ къ себѣ б. воспитанниковъ своихъ, по 3 человека; я говорилъ имъ о послѣдствіяхъ, спрашивалъ каждого изъ нихъ объ его рѣшеніи. Лишь 23 ученика рѣшительно заявили, что они «по своимъ убѣжденіямъ не могутъ отказаться отъ резолюціи 16 октября», что они на все готовы ради твердаго своего убѣжденія. Это — одинъ изъ 2 класса, 4 — изъ третьяго, 6 — изъ четвертаго, 3 — изъ пятаго и 9 — изъ шестаго... Я говорилъ имъ о томъ, что ожидаетъ ихъ; я говорилъ имъ и о томъ, что я послѣ рѣшенія Правленія (а оно безспорно) сдѣлать для нихъ уже ничего не могу, не буду въ силахъ... Они говорили мнѣ, что они и мною, и всею Семинаріей вполне довольны, что они знаютъ и понимаютъ то рѣшеніе Правленія, которое непременно будетъ...

Я вывѣсилъ въ вестибюлѣ такое объявленіе: «Считаю своимъ великимъ долгомъ совершенно-опредѣленно сказать, что ожидаетъ б. воспитанниковъ, — оставшихся при «резолуціи»: «исключеніе изъ Семинаріи, за политическую неблаго-

*) Объ этомъ послѣ.

***) 51 — перваго класса, 22 — втораго, 27 — третьяго, 21 — четвертаго, 23 — пятаго и 19 — шестаго.

надежность, безъ балла по поведенію, — съ донесеніемъ Оберъ-Прокурору Синода и мѣстному жандармскому управленію. Поступленіе на госуд. службы или въ уч. заведенія безусловно — закрыто».

Р. С. Отъ «насъ» ничего болѣе далѣе сдѣлано быть не можетъ. — До 2-хъ ч. д. — я вашъ покорный слуга и самый искренній доброжелатель.

Я радъ бы всей душой сдѣлать для васъ все, что могу (по совѣсти и основному праву).

До 2-хъ ч. д. можете приходить ко мнѣ, — для бесѣдъ, совѣтовъ и т. п. (вполнѣ — вебезыменно; личныя бесѣды, какъ и личныя оскорбленія меня, — дальше меня не пойдутъ никогда)».

Всѣ воспитанники были у меня, кромѣ одного, который ходилъ по Семинаріи, но на мой зовъ, на мое приглашеніе, не пошелъ. Участіе въ неурядкахъ онъ принималъ самое дѣятельное... «Убѣжденный»!!..

Въ 2 часа дня началось у насъ Общее Педагогическое Собраніе; окончилось оно въ 8 час. вечера.

Я уже ректорствую 7-й годъ, но никогда я не бывалъ на подобныхъ Собраніяхъ.. У меня ни разу не было даже «пищевыхъ», «брюшныхъ», «кашныхъ» неудовольствій съ учениками, а тутъ... Боже, какъ все это тяжело, невыразимо — тяжело!!..

Собраніе, очень подробно и очень милостиво разбирая каждого ученика, постановило большинствомъ голосовъ*): ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о временномъ открытіи Семинаріи; временно допустить въ 1-й классъ 50 чел. изъ 51 (см. выше), во второй — 19 изъ 22-хъ, въ третій — 25 изъ 27, въ четвертый — 15 изъ 21-го, въ пятый — 23, въ шестой — 18 изъ девятнадцати. Отказано было

*) Нѣкоторые остались при особомъ мнѣніи: привести въ исполненіе постановленіе 16 октября, а сужденіе о пріемѣ учениковъ обратно имѣть по полученіи указа объ открытіи Семинаріи изъ Святѣйшаго Синода.

въ пріемѣ, такимъ образомъ, 13 ученикамъ: всѣ они принимали, какъ выяснилось, самое дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, въ забастовкѣ, а четверо изъ нихъ, кромѣ того, подали прошенія, вовсе не говоряція о раскаяніи. Вотъ одно изъ такихъ прошеній: «Признавая поданную 16 октября сего года резолюцію крайнюю, я считаю свою подпись подъ нею недѣйствительною и прошу Правленіе Иркутской Семинаріи принять меня обратно въ число воспитанниковъ Семинаріи.—Объявленіе Ректора о послѣдствіи моего участія въ возможныхъ будущихъ массовыхъ политическихъ движеніяхъ читалъ».

Признавать такіа прошенія достаточными мы не имѣемъ я малаго права... Приняты всѣ, кого имѣлась какая либо возможность принять*)...

Тѣмъ, кому само Правленіе отказало въ пріемѣ (13 чел.), поставлено по 4 поведенія; они уволены просто за «неблагоповеденіе»; въ свидѣльствахъ и объ этомъ будетъ умолчено.. Далѣе Общее Педагогическое Собраніе постановило—ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ**) о постоянномъ открытіи Семинаріи и объ обратномъ пріемѣ воспитанниковъ, допущенныхъ временно до обученія во временно-открытой Семинаріи.. Большаго мы сдѣлать не могли.. Тѣхъ б. воспитанниковъ (24 чел.), кои, —согласно постановленію 16 октября,—уволены и не подали прошеній объ обратномъ пріемѣ,—считать уволенными «безъ бабда по поведенію, съ донесеніемъ объ нихъ г. Оберъ Прокурору Святѣйшаго Синода и мѣстной жандармской власти». Это—прямой параграфъ Устава Семинарій.

Сужденіе о тѣхъ 8 б. ученикахъ, кои не имѣли возможности подать прошенія или заявить о своемъ рѣшеніи остаться при резолюціи, отложить до поступленія отъ нихъ заявленій.

*) Полнаго тождества съ «примѣрнымъ» прошеніемъ вовсе не требовалось.

**) Ниже нельзя.

Воспитаниковъ (8), не подписавшихъ резолюціи, принять во временно-открытую Семинарію.

Архіепископъ постановленіе большинства членовъ Собранія утвердилъ (потомъ).

22-го октября, къ часамъ 12 дня, всѣ 20 (изъ 24*) б. ученика, сдавъ всѣ казенныя вещи и книги, получивъ временныя билеты на житіе, мирно выбыли изъ зданія Семинаріи. Входя съ 12 ч. д. въ Семинарію имъ, какъ и всѣмъ стороннимъ лицамъ, безъ разрѣшенія Семинарскаго Начальства, воспрещенъ (впрочемъ, никто «въ шею» ихъ гнать не будетъ; нѣкоторые изъ нихъ были въ Семинаріи и послѣ 12 ч. дня 22-го октября, но ихъ никто не изгонялъ).

23-го октября утромъ воспитанникамъ было вывѣшено постановленіе Педагогическаго Собранія отъ 21 октября, утвержденное Архіепископомъ. Тогда же вывѣшено и такое объявленіе: «Согласно постановленію Общаго Педагогическаго Собранія Семинаріи 21 октября с. г., предлагаю б. воспитанникамъ (12**), кои не допущены въ Семинарію, — выбыть изъ каз. зданій *сегодня, къ 3 ч. дня*, — сдавъ всѣ каз. вещи и книги подъ росписки. Билеты — въ канцеляріи.

Входя означеннымъ б. ученикамъ, какъ стороннимъ лицамъ, въ Семинарію воспрещается».

Всѣ 12 б. ученика выбыли изъ Семинаріи мирно, все сдавъ и получивъ. Приходили они и послѣ къ намъ; никто ихъ не изгонялъ***),..

Съ 24-го октября началось раздаваніе учебныхъ книгъ... Предъ раздачей учебниковъ, съ 8^{1/2} ч. у. 24-го октября, я

*) Четыре — квартирныхъ.

**) Изъ 13: одинъ — квартирный.

***) О прощаніи нѣкоторыхъ «непринятыхъ» лично со мною говорить не хочу... Здѣсь я позналъ, какъ все же сильно и много меня цѣнили и сердечно любили... Да воздастъ имъ Господь за это! Я радъ помогать имъ всѣмъ, честно и по совѣсти, всегда и вездѣ...

объединилъ всѣ классы Семинаріи и говорилъ собравшимся ученикамъ примѣрно такое малое наученіе: теперь не время и здѣсь не мѣсто говорить съ вами подробно о всемъ «приключившемся», о томъ, какъ вы вели себя съ вечера 15-го октября, о томъ — разумна ли ваша резолюція и насколько сознательно эта резолюція многими — многими изъ васъ была подписана... Обо всемъ этомъ и другомъ мы поговоримъ много, честно и открыто послѣ, всѣ вмѣстѣ, — а теперь надо начинать ученіе, а потому и поговоримъ объ этомъ, — о томъ, какъ и когда начать занятія.. Времена нынѣ, несомнѣнно, тяжелыя, — такія тяжелыя, смутныя, что право не знаешь, что будетъ не только завтра или черезъ два дня, мѣсяць и т. д., но не знаешь даже того, что будетъ черезъ 2 часа... Волна волну нынѣ въ морѣ житейскомъ задѣваетъ, захлестываетъ... Я, господа, съ своей стороны могу указать вамъ 4, по моему мнѣнію, возможныхъ выхода для насъ съ вами. Я не ручаюсь, что нѣтъ выхода пятого; я легко могъ недодуматься до выхода 5-го, 10-го, 20-го... Вы послушайте меня. Если вы найдете еще выходы, — я съ радостію обсужу и его съ вами...

Первый выходъ — выходъ самый, конечно, по виду — естественный и законный: начать, и начать поскорѣе, учебныя занятія; ходить на уроки, слушать объясненія учителей, писать сочиненія, учить заданное, читать книги, гулять, играть... Чѣмъ скорѣе начать занятія, тѣмъ лучше... Вы теперь ходите, бродите, — ничего не дѣлаете... Не думайте, что отъ этого бездѣлья нервы успокоятся скорѣе... Цѣтъ! Теперь всѣ мысли и чувства ваши сосредоточены на одномъ... Повѣрьте, и мнѣ жаль, до слезъ жаль, тѣхъ, которые сидѣли на этихъ партахъ, которые занимали эти, нынѣ пустыя, мѣста... Но, что же дѣлать?.. Я сдѣлалъ все, что могъ... Занятія отвлекутъ ваше вниманіе отъ одного предмета и, дастъ Богъ, нервы ваши исправятся...

И такъ, первый выходъ—начать всѣмъ занятія. Но никогда не забывайте моего объявленія вамъ, которое вы читали, — объявленія о томъ, что ожидаетъ васъ, если вы осмѣлитесь еще разъ принять участіе въ уличномъ массовомъ политическомъ движеніи. Семинарія — не арсеналъ для политическихъ забастовокъ; не мѣсто для нихъ; здѣсь — средне-учебное заведеніе, гдѣ учатся, учатся и учатся... Я отлично понимаю, что очень трудно, невозможно, да этого вовсе и не нужно, не знать и не интересоваться политическими идеями и движеніями времени, хотя бы и учась, будучи 14—19 лѣтъ, но—это одна статья, а такое участіе въ уличномъ движеніи политиковъ, какое вы проявили вышѣ—другая статья, совсѣмъ иная... Повторю еще разъ: если вы позволите себѣ опять нѣчто подобное бывшему, то всѣ вы немедленно будете исключены изъ Семинаріи; вамъ будетъ дано тогда не 5 дней для выбытія изъ зданія, а 2 часа; не пойдете волею, добромъ, —принуждены будемъ позвать казаковъ, дѣйствовать плетью... И это—вовсе не жестокость.. Такъ вотъ и думайте,—какъ быть?.. Ручаться за то, что тамъ, на улицѣ и внѣ стѣнъ Семинаріи, не будетъ въ нынѣшнемъ учебномъ году движеній, митинговъ, бурь политическихъ, — конечно, —нельзя... Декабрь, Февраль, Сентябрь, или какое иное время, можетъ почитаться нынѣ непремѣнно—спокойнымъ — не знаю: этого никто не знаетъ.. Можетъ быть, черезъ 6 дней опять будетъ какая либо «забастовка»... Надо взять вамъ себя въ руки...

Это—первое: начать занятія и не прекращать ихъ своею волею...

Второй выходъ таковъ: всѣмъ вамъ развѣхаться теперь же по домамъ, а весною (или въ августѣ), подготовившись дома, вы будете держать переходные экзамены. Это выходъ, на видъ, очень заманчивый. Сиди себѣ дома, пользуйся полной свободой, ѣшь маменькины горячіе пирожки, гуляй по полямъ, лугамъ и лѣсамъ; захотѣлось поучить алгебру, —поу-

чи, а нѣтъ, такъ нѣтъ... Все дѣлай по собственной волѣ, свободно... А подойдутъ экзаменные дни,—тоже легко и пріятно: пріѣдешь въ Семинарію на 1 мѣсяць, отвѣтишь на 5—4—3 и, высоко поднявъ голову, сядешь на парту слѣдующаго класса... Говорить нечего,—заманчиво. Если хотите, то (съ эгоистической, т. е. подлой точки зрѣнія) этотъ выходъ и для насъ, для меня и вашего начальства вообще, тоже заманчивъ: и мы сидѣли бы спокойно, получали бы жалованье и занимались своимъ дѣломъ... Но, господа, — не обижайтесь: вы еще дѣти, а заниматься самостоятельно очень трудно. Нужно имѣть и крѣпкій умъ (а его у многихъ изъ васъ, конечно, нѣтъ),—нужно имѣть еще болѣе крѣпкую волю (а ея у васъ очень—очень мало), чтобы самому «двигать» науку, выучить даже только учебники... Вѣдь вамъ только кажется (это—обманъ ума), что учителя только сонъ на васъ нагоняютъ, что «толку», пользы, отъ ихъ объясненій мало, а отъ спрашиваній и никакого нѣтъ... Сами бы могли мы все выучить!... Читаешь и все понимаешь!.. Часто бываетъ, господа, что читаешь и думаешь—все понимаю, все позналъ, знаю... А начнешь отвѣчать: тутъ запинка, тамъ другая,—ничего не выходитъ... Винтикъ выпалъ и вся машина попортилась... Посидите вы дома, побѣдите тамъ можетъ быть и послаще, погуляете, учебнички даже, можетъ быть, и прочтете,—пріѣдете на экзамень, получите въ большинствѣ 1—2—3 и, низко опустивъ свои головушки, сядете на парты не слѣдующихъ, а тѣхъ же, классовъ... Радость ваша преложится въ печаль многую...

Думайте!.. Учебниковъ на всѣхъ у насъ не хватить... Третій выходъ—выходъ средній изъ двухъ первыхъ: иные пусть поѣдутъ домой, тамъ позаймутся и весною или осенью пусть держатъ экзамены; это—сильные умомъ и волею (второе даже важнѣ здѣсь перваго), дѣйствительно вервно крайне—разстроенные (по поправкѣ здоровья,

можно вернуться сюда и равне экзаменовъ). Другіе — пусть учатся здѣсь, на урокахъ.

Четвертый выходъ—всѣхъ васъ распустить до сентября 1906 года, оставивъ всѣхъ на повторительный курсъ въ тѣхъ же классахъ. Этотъ выходъ—выходъ, понимаю, для васъ самый неприятный, но выходъ все же возможный...

Теперь скажу три слова о томъ, какъ надо думать... Надо думать лучше, чѣмъ вы думали раньше (вы раньше плохо думали). Надо думать такъ: пусть сначала каждый изъ васъ войдетъ въ «клѣтку свою», внутрь себя,—соберетъ всѣ силы своего собственного ума и сердца,—и думаетъ—думаетъ, какъ и что сдѣлать; потомъ, а не сразу, поговори съ однимъ—другимъ, третьимъ другомъ своимъ; потомъ, если хотите, поговорите всѣ вмѣстѣ,—посоветуйтесь со мной, со своими наставниками... Послѣ этого и рѣшай каждый за себя.. Большинства я въ такихъ серьезнѣйшихъ дѣлахъ не понимаю, безусловно не признаю...

24 и 25-ое октября я только и дѣлалъ, что буквально —непрерывно давалъ совѣты, говорилъ и говорилъ. Сначала ко мнѣ пришли шестоклассники и совѣтовались со мною; потомъ безконечною вереницею потянулись отдѣльные ученики...

25-го октября почти точно опредѣлились списки учениковъ, желающихъ остаться здѣсь и желающихъ готовиться къ экзаменамъ дома (31). Производилась раздача книгъ остающимся здѣсь (на двоихъ одинъ учебникъ). Желающіе ѣхать домой посланы мною къ врачу... 25-го же, въ 6 ч. в., состоялось Общее Педагогическое Собраніе Правленія Семинаріи; приняты еще четыре б. ученика, не имѣвшіе возможности раньше подать прошенія о приѣмѣ; рѣшили занятія начать съ 26-го сентября...

26-го октября выдавались учебники остающимся и уѣзжающимъ (по докторскимъ свидѣтельствамъ) ученикамъ;

выдавались билеты и деньги на проездъ (кому должно и сколько можно по средствамъ Семинаріи и ея Братства). Въ 5^{1/2} ч. вечера пробили звонокъ на вечернія занятія...

Господи, помоги!.. Помоги мнѣ оградить и сохранить моихъ милыхъ юношей!.. Не хотѣлъ и не хочу я имъ никакого зла; хотѣлъ всегда и хочу я имъ одного добра,— одного!..

27-го былъ у Архіепископа съ докладомъ о началѣ учебныхъ занятій.

День прошелъ вполне — спокойно...

28-го продолжались уроки. Въ 6 ч. вечера состоялось Общее Педагогическое Собраніе: обсуждали мое предложеніе «о смягченіи участи уволенныхъ» 37 учениковъ (24+13) и редактировали проектъ доклада Архіепископа въ Святѣйшій Синодъ. Часовъ въ 7—7^{1/2} вечера, когда мы засѣдали въ канцеляріи, швейцарь доложилъ мнѣ о прибытіи «депутатіи отъ социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ». Я просилъ депутатію пожаловать въ мою квартиру... Прервавъ на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа засѣданіе, я вышелъ къ депутатамъ... Воспитанники (была перемѣна между вечерними репетиціями, «занятыми») толпились въ вестибюлѣ; можно было слышать толки о томъ, что депутатія пришла «требовать» обратнаго приѣма 37 уволенныхъ учениковъ...

Депутатія состояла изъ трехъ, весьма хорошо мнѣ знакомыхъ, Присяжныхъ Повѣренныхъ... Расцѣловались, сѣли и стали разсуждать... Я прочелъ депутатамъ проектъ доклада Святѣйшему Синоду; они вполне одобрили проектъ и просили меня сдѣлать въ докладѣ три малыхъ дополненія*).

Сначала депутаты просили меня объ обратномъ приѣмѣ 37 б. учениковъ. Они говорили о томъ, что неприемъ этихъ

*) Эти дополненія были внесены въ докладъ,—съ общаго согласія Педагогическаго Собранія. Я послѣ укажу эти дополненія.

«37» вызоветь «забастовку» учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній города; они говорили о томъ горѣ, о тѣхъ слезахъ, которыя будутъ чувствовать и проливать изъ—за этихъ «37» многіе отцы и матери... Я довольно—подробно рассказалъ милымъ депутатамъ «отъ города», «отъ всего городскаго общества», что натворили и какъ набезобразничали мои ученики.. Я говорилъ о томъ, что я не имѣю ни малѣйшаго права принять уволенныхъ обратно; я могу (и это самое большее, что я могу) лишь «безъ протеста» исполнить прямое, если оно послѣдуетъ, «приказаніе» Начальства—принять такихъ-то... Я говорилъ о томъ, что если мнѣ будетъ «предложено» принять и тѣхъ четырехъ изъ уволенныхъ, которые «заварили всю кашу», на совѣсти которыхъ многіе—многіе подписи моихъ «ребятъ», все волненіе и увлеченіе,—то «я и здѣсь смолчу, любя юношей, учащихся города, зная горечь слезъ отцовъ и матерей,—но я подамъ тогда немедленно въ отставку»..

Депутаты отлично поняли правду моихъ словъ, но они энергично просили меня не уходить изъ Семинаріи, въ отставку,—покрыть своею любовію,—ради пользы заведенія, и этихъ «четырехъ»... Я долго колебался, но согласился «не подавать въ отставку» и по пріемъ «четырехъ»... «Завтра же ѣдемъ къ Владыкѣ!» воскликнули депутаты... Я подробно объяснилъ имъ, что не во власти Архіепископа пріемъ «37», что это дѣло Свят. Синода... «Владыка вамъ, о. ректоръ, мы увѣрены—предложить принять всѣхъ, а вы вѣдь сказали, что протестовать не будете, молча исполните, любя вообще учащихся,—приказъ Начальства»... «Да, исполню»... Опять расцѣловались и мирно разошлись*).

Я вернулся въ канцелярію и повѣдалъ Собранію все случившееся... Закончили редактированіе доклада. Вотъ этотъ

*) Одинъ изъ депутатовъ, недавно—вернувшійся изъ—заграницы, здѣсь же подарилъ мнѣ изображеніе «Укрощенія Спасителемъ бури» (на шелковомъ платѣ).

доложить: «Дни 15 — 20 октября текущего года для города Иркутска оказались весьма тяжелыми. Волна революціоннаго движенія, выразившагося почти въ повсемѣстныхъ забастовкахъ, достигла Иркутска и увлекла за собой часть городского населенія. 15 октября въ Иркутскѣ начались забастовки на желѣзной дорогѣ, телеграфѣ, почтѣ, телефонѣ; магазины прекратили торговлю; почти все городскія учрежденія принуждены были прекратить свои занятія. Къ глубокому прискорбію неопытная увлекающаяся учащая молодежь въ Иркутской Духовной Семинаріи не осталась безучастной къ начавшемуся революціонному движенію. Утромъ 15 октября все уроки въ Семинаріи прошли въ полномъ порядкѣ и спокойствіи. Не было замѣтно ничего тревожнаго. Къ тому же предшествовавшія 15 числу обстоятельства семинарской жизни давали нѣкоторыя основанія предполагать, что политическое движеніе не коснется Духовной Семинаріи: въ началѣ текущаго учебнаго года воспитанники Иркутской Семинаріи, получивъ петицію выработанную лѣтомъ 1905 года представителями 9 семинарій, 4 раза собирались для обсужденія общесеминарскихъ вопросовъ. Для предупрежденія возможныхъ серьезныхъ дисциплинарныхъ проступковъ со стороны воспитанниковъ означенныя собранія были разрѣшены Ректоромъ Семинаріи, который на одномъ изъ собраній присутствовалъ самъ. Все собранія прошли въ полномъ спокойствіи, нисколько не отразившись на ходѣ семинарской жизни и не остановивши теченія учебныхъ занятій: благоразуміе учениковъ не позволило имъ объявить возможную забастовку. Вторій разъ въ началѣ октября воспитанники Семинаріи опять избѣжали большаго соблазна быть увлеченными въ забастовку. Въ означенное время нѣкоторыя свѣтскія учебныя заведенія г. Иркутска объявили частичную забастовку, поводомъ къ коей былъ случай увольненія нѣкоторыхъ воспитанниковъ мѣстнаго Промышленнаго Училища. Воспитанникамъ Духовной

Семинаріи предложено было присоединиться къ забастовкѣ и прекратить учебныя занятія. Для выясненія вопроса о присоединеніи къ забастовкѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеній воспитанники Семинаріи устроили два собранія, оба съ особаго разрѣшенія Ректора; на одномъ изъ нихъ присутствовалъ Ректоръ Семинаріи. Благоразуміе воспитанниковъ и на этотъ разъ сдержало ихъ и не позволило имъ поддаться увлеченію. Но выдержавъ себя въ теченіе полутора мѣсяца дважды, воспитанники Семинаріи не нашли уже въ себѣ достаточно силы, чтобы противостоять внезапно для нихъ начавшемуся массовому заманчивому политическому движенію. Вечеромъ 15-го октября, послѣ всеобщаго бдѣнія, въ семинарскомъ залѣ происходило чтеніе реферата («о приходѣ»), на которомъ во главѣ съ Ректоромъ Семинаріи и нѣкоторыми преподавателями присутствовало около 60 воспитанниковъ. Въ 9^{1/2} часовъ вечера во время чтенія реферата въ залу съ шумомъ совершенно — неожиданно врывается толпа воспитанниковъ, челоуѣкъ около 40. Явившись въ залу, воспитанники просили прекратить рефератъ, а залу освободить для ихъ сходки. Въ виду возбужденнаго состоянія прибывшей толпы и въ виду того, что просьба о разрѣшеніи собранія представлена была несвоевременно, сходка не была разрѣшена. Получивъ отказъ въ разрѣшеніи сходки и въ уступкѣ зала, воспитанники толпой отправились въ помѣщеніе 4 класса, гдѣ и устроили неразрѣшенную сходку, которая продолжалась не болѣе 30 минутъ. Съ 10^{1/2} часовъ обычная семинарская жизнь нарушилась: охваченные новымъ для нихъ настроеніемъ, воспитанники не могли сдерживать себя — слышалось пѣніе «Дубинушки»; на корридорахъ стали появляться ньяны. Около ¹/₂ 11 часа, когда по заведенному въ Семинаріи порядку воспитанники расходятся по спальнямъ, Ректоръ Семинаріи, обходя по своему обыкновенію семинарскія помѣщенія, предлагалъ воспитанникамъ идти въ спальни,

Но это предложеніе молчаливо ими выслушивалось и не исполнялось; ни въ какіе разговоры съ Ректоромъ Семинаріи они не вступали; дерзостей не наносили. 16-го числа Божественной литургіи не было, ибо ученики къ службѣмъ идти отказались и, въ виду возбужденнаго настроенія воспитанниковъ, совершать богослуженіе семинарское начальство не нашло возможнымъ. Въ 9 часовъ утра 16 числа у воспитанниковъ была вторая сходка, по окончаніи которой Ректоромъ Семинаріи воспитанникамъ, повидимому сознательно избѣгавшимъ какого бы-то ни было общенія съ начальствующими лицами Семинаріи, было вывѣшено объявленіе, въ коемъ онъ приглашалъ воспитанниковъ собраться въ залу для 15 минутной бесѣды. Въ назначенное время воспитанники не явились въ залу, а представили Ректору Семинаріи резолюцію слѣдующаго содержанія: «Прекращая учебныя занятія, мы нижеподписавшіеся воспитанники Иркутской духовной Семинаріи присоединяемся ко всеобщей Россійской политической забастовкѣ и требуемъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, признавая, что созывъ его возможенъ лишь по революціонномъ сверженіи самодержавія». Далѣе слѣдуютъ подписи. Подъ резолюціей нѣтъ подписи 8 воспитанниковъ. Въ тотъ же день на экстренномъ Педагогическомъ Собраніи было постановлено ходатайствовать о закрытіи Семинаріи съ увольненіемъ изъ нея воспитанниковъ. Означенное постановленіе Собранія мною было утверждено того же 16 октября. Въ виду же прекращенія желѣзнодорожнаго движенія, препятствующаго большинству учениковъ немедленно выѣхать изъ города, предложено было всѣмъ воспитанникамъ оставить Семинарію въ пятидневный срокъ, съ условіемъ соблюденія ими за это время обычныхъ правилъ Семинарскаго общежитія. Сильное возбужденіе воспитанниковъ въ первый день забастовки, явившееся несомнѣнно результатомъ агитаторской

дѣятельности главарей революціоннаго движенія, стоящихъ внѣ Семинаріи, не могло долго продлится у воспитанниковъ. Поддавшись минутному увлеченію, сгоряча подписавъ предложенную агитаторами, — мало — понимаемую большинствомъ, — преступную резолюцію, воспитанники такъ же скоро охладѣли къ политическому движенію, какъ и начали его, ясно тѣмъ самымъ показавъ, что они дѣйствовали не по убѣжденію, а по мимолетной вспышкѣ юношескаго увлеченія. Къ 21 октября 1863 г. воспитанниковъ подали Ректору Семинаріи прошенія, въ которыхъ, раскаяваясь въ совершенномъ ими проступкѣ, просили объ обратномъ приѣмѣ въ Семинарію. Въ виду того, что только 24 воспитанника не пожелали подать прошеній объ обратномъ приѣмѣ, Педагогическое Собраніе Правленія Семинаріи отъ 21 октября большинствомъ голосовъ постановило просить меня временно открыть Семинарію и временно допустить къ учебнымъ занятіямъ принесшихъ раскаяніе б. воспитанниковъ. Это опредѣленіе большинства членовъ собранія мною было утверждено. Во временно открытую Семинарію изъ числа подавшихъ прошенія было принято 150 человекъ; тринадцати, какъ проявившимъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ политической забастовкѣ, въ приѣмѣ было отказано и они отчислены изъ Семинаріи съ балломъ по поведенію четыре. Неподавшіе прошенія слѣдующіе 24 человека увольняются безъ балла по поведенію, какъ совершившіе политическое преступленіе: VI кл. Багрящевъ Алексѣй, Бакшеевъ Никита, Громовъ Леонидъ, Зиминъ Ивацъ, Базариновъ Пантелеймонъ, Ломаевъ Андрей, Сухихъ Николай, Суровцевъ Сергѣй и Шастинъ Константинъ; V кл. Башкадамовъ Иннокентій, Литвинцевъ Иннокентій и Шастинъ Петръ; IV кл. Бенкогеновъ Петръ, Лахинъ Гавріиль, Миловидовъ Александръ, Пляскинъ Евгений, Способинъ Александръ и Стуковъ Василій; III кл. Никифоровъ Стефанъ, Романовъ

Михайлъ, Корнаковъ Иннокентій, Дроздовскій Валентинъ и Михалевъ Александръ; II кл. Чистяковъ Николай.

26 октября съ моего разрѣшенія начались въ Семинаріи учебныя занятія.

Донося о происшедшихъ въ Иркутской Семинаріи событіяхъ, въ виду принесеннаго воспитанниками раскаянія въ минутномъ увлеченіи, повлекшемъ за собою совершеніе преступнаго дѣянія, я почитаю для себя долгомъ ходатайствовать предъ Вашимъ Святѣйшествомъ о постоянномъ открытіи временно мною открытой Иркутской Духовной Семинаріи и о разрѣшеніи принять обратно всѣхъ (не исключая и 13) принесшихъ покаяніе. Не могу умолчать и о печальной судьбѣ, постигшей 24-хъ воспитанниковъ, уволенныхъ на основаніи дѣйствующаго Семинарскаго устава безъ балла по поведенію и не успѣвшихъ еще обдумать свое преступленіе. Правленіе Семинаріи обратилось ко мнѣ съ прозъбою ходатайствовать предъ Вашимъ Святѣйшествомъ о смягченіи участи уволенныхъ 24 воспитанниковъ, на слѣдующихъ основаніяхъ*): 1) Современное политическое движеніе, очень широкою волной разлившееся по обширному нашему отечеству, не могло не отразиться и не увлечь за собою неопытныхъ, легко поддающихся впечатлѣнію, сердца учащейся молодежи средней школы вообще и въ частности духовной. Пока движеніе происходило вдали отъ Иркутска, воспитанники мирно продолжали свои занятія, сама не предполагая, что готовится имъ завтрашній день. Быстро, неожиданно распространилась въ Иркутскѣ забастовка. Умы воспитанниковъ не успѣли еще разобраться въ происходившемъ и опредѣлить свое отношеніе къ политическому движенію. Этимъ колебательнымъ состояніемъ воспользовалась агитація, и воспитанники оказались политическими забастовщиками, неожиданно

*) Далѣе идетъ мое предложеніе на Собраніи 28 окт. «о смягченіи участи» 24-хъ б. учениковъ (1-е — до конца).

для самих себя. Не къ воспитанникамъ Семинаріи долженъ примѣняться строгій судъ, а къ тѣмъ лицамъ, которыя, забывъ голосъ совѣсти, въ своихъ цѣляхъ пользуются легко увлекающимися юношами.

2) Высочайшій манифестъ отъ 17 октября 1905 года (полученный и опубликованный въ г. Иркутскѣ 22 октября) и Высочайшій указъ Правительствующему Сенату признаютъ «за благо прежде всего облегчить участь лицъ, впавшихъ до воспослѣдованія сего Манифеста въ преступныя дѣянія государственныя», освободивъ послѣднихъ «отъ преслѣдованія, суда и наказанія и прочихъ послѣдствій» и даровавъ «полное помилованіе». Манифестъ и Указъ Сенату, правда, не могутъ служить юридическимъ основаніемъ для оправданія уволенныхъ, какъ воспитанниковъ Семинаріи съ дѣйствующимъ и неотмѣненнымъ въ ней Уставомъ, тѣмъ не менѣе я считаю возможнымъ полагать, что если Высочайшій Манифестъ даруетъ бывшимъ политическимъ преступникамъ, приговореннымъ даже въ каторжныя работы,*) прощенье и забвеніе ихъ проступковъ, то не менѣе подобнаго снисхожденія заслуживаютъ бывшіе ученики Иркутской Семинаріи, какъ лица еще граждански несовершеннолѣтнія и дѣйствовавшія не по ясному сознанію и убѣжденію, а подъ вліяніемъ стороннихъ причинъ и временнаго увлеченія.

3) Воспитанники Иркутской Семинаріи не увлекались ранѣе ни общесеминарскими забастовками, ни забастовками въ Иркутскѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Вели себя ранѣе вполне хорошо.

4) Большинству изъ непріятыхъ 37 человекъ угрожаетъ исполненіе воинской повинности, такъ какъ они пользовались отерочкой только какъ воспитанники Семинаріи.

5) Настроеніе городского общества въ настоящее время таково, что непріятіе уволенныхъ обратно въ Семинарію

*) Эта фраза—первое дополненіе г.г. депутатовъ.

повлечеть за собою общую забастовку всѣхъ учебныхъ заведеній г. Иреутска.*)"

Соглашаясь съ указанными мотивами, я считаю для себя долгомъ ходатайствовать предъ Вашимъ Святѣйшествомъ—измѣнить участь пострадавшихъ 24-хъ юношей, разрѣшивъ выпустить ихъ изъ Семинаріи съ отмѣтками по поведенію и съ правомъ обратнаго поступленія въ Духовныя Семинаріи, — если они раскаются.»**)

— Докладъ написанъ очень и очень мягко; почти умолчено о великихъ безобразіяхъ учениковъ и въ стѣнахъ Семинаріи, и виѣ стѣнъ ея...

Ночь не спалъ...

29-го утромъ, часовъ въ 11, былъ у Архіепископа и читалъ ему проэктъ доклада... Долго разногласили... Докладъ остался у Владыки, не подписанъ...

Вернувшись отъ Владыки вывѣсилъ въ вестибюль такое объявленіе:

«Я не привыкъ скрывать что-либо отъ своихъ учениковъ, а потому долгомъ почитаю не скрыть и того, что случилось 27 и 28 октября.

Педагогическое Собраніе, движимое самымъ сердечнымъ и искреннимъ чувствомъ состраданія, постановило: ходатайствовать предъ Свят. Синодомъ объ измѣненіи участи 37 б. учениковъ; оно постановило — просить Синодъ о разрѣшеніи поставить всѣмъ баллы по поведенію и о допущеніи всѣхъ 37 б. учениковъ до приѣма въ духовныя семинаріи.

Это — верхъ милосердія.

28-го, въ 7 час. веч., у меня была депутація отъ города (три моихъ знакомыхъ Присяжныхъ Повѣренныхъ). Они покорнѣйше и усерднѣйше просили меня, чтобы я ничего не

*) 4-ое и 5-ое—второе и третье дополненія г.г. депутатовъ.

**) Последняя фраза—личное добавленіе Владыки.

имѣлъ противъ обратнаго врем. пріема въ Семинарію нашу тѣхъ 37 человекъ. Они просили меня сдѣлать это -- ради спокойствія всѣхъ учебныхъ заведеній города, а не ради этихъ 37 учениковъ, — ради отцовъ и матерей учащихся города. Руководимый исключительно чувствомъ любви вообще къ учащейся молодежи, — отнюдь не желая, чтобы изъ — за меня закрывались запятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города, — я согласился на просьбу общества (не препятствовать пріему и 37)...

Все это ради любви и сожалѣнія вообще къ учащимся... Прикажетъ Начальство, — приму. Изъ «37» б. учениковъ нѣкоторыхъ я лично почитаю людьми *безчестными по отношенію къ нашей Семинаріи и Св. нашей Церкви*. Десять изъ нихъ уже много лѣтъ «объѣдаютъ» св. Церковь; 4 изъ нихъ клялись*) (при принятіи ихъ съ *безобразными* отзывами изъ иныхъ семинарій) въ своемъ *безупречномъ* дальнѣйшемъ поведеніи; трое — изъ милости приняты «безъ языковъ» (особая милость Церкви), четверо — явно увлекали «малыхъ сихъ», допускали насиліе и крайній безпорядокъ, — будучи умнѣе другихъ, агитируя... И эти «21» будутъ мною приняты (*безъ протеста*, на который я имѣю право) въ нашу Семинарію, если миѣ то предложитъ Начальство. Но... я употреблю всѣ свои старанія, всѣ свои усилія, чтобы меня освободили отъ ректуры Иркутской поскорѣе, немедленно. Я — монахъ и, конечно, всякое послушаніе исполню, но проситься и монаху можно...

Я никогда не былъ человекомъ безчестнымъ... Быть начальникомъ безчестныхъ, *завѣдомо-безчестныхъ*, даже не понимающихъ, что Церковь — то имъ «милость» оказываетъ, — даже не понимающихъ, что ихъ поступокъ, какъ учениковъ, несомнѣнное увлеченіе, а «резолуція» — неразумность, — я не имѣю никакого желанія.

*) Я у нихъ клятвы не требовалъ.

Пусть учатся въ нашей Семинаріи (это ради любви вообще къ учащимся), но... Богъ имъ Судья»...

Примѣрно въ 1 часъ дня ко мнѣ пріѣхали два «депутата». Разказали о визитѣ Архіепископу... Много толковали о новомъ движеніи... Дивился неясности взглядовъ, представленія о будущемъ Россіи одного изъ депутатовъ... Ни руля, ни вѣтриль!.. Движенія партій — малосознательны; идутъ паугадъ, по «вдохновенію минуты»... Грусть одна!!..

Въ часовъ 9¹/₂—10 вечера былъ вторично у Архипастыря... Слушаль разказъ Владыки о дерзости двухъ депутатовъ «отъ городского общества» (третій велъ себя вполне — хорошо, корректно). Депутація была у Архіепископа часовъ въ 12 дня... Сначала говорили мирно и тихо, а потомъ, когда Владыка не согласился исполнить просьбу депутатовъ, а требовалъ «покаянныхъ» прошеній самихъ уволенныхъ, — депутаты кричали, требовали, говорили явныя дерзости... «Мы васъ заставимъ», — «у васъ не сердце, а кусокъ льда», — «мы, когда пришли сюда, приняли отъ васъ благословеніе, а теперь мы и руки не даемъ вамъ» и т. д. и т. д. Ужасно, крайне — дерзко!!.. И это — свобода, проповѣдники ея!!!... Грозилъ графомъ Витте и телеграммами всѣмъ министрамъ и новому Оберъ-Прокурору Синода... О, времена, — о, нравы!!.. Опять — опять безсонная ночь!..

~~~~~

Всю ночь не спалъ, все думалъ какъ бы убѣдить Владыку подписать милостивый «докладъ» въ Синодъ: онъ все колеблется и, конечно, имѣетъ на эти колебанія вполне — достаточныя основанія...

За минуту 20 до Литургіи, примѣрно въ 8 ч. 40 м. у. 30-го октября, швейцаръ доложилъ мнѣ, что преподаватель нашей Семинаріи Валерій Вас. Копыловъ желаетъ меня видѣть. Я просилъ пожаловать... Проходитъ 3—4 минуты и влетаетъ, — воспаленный, растрепанный, съ дикими глаза-

ми,—В. В. Копыловъ... «Обнимемъ! пойдѣмъ къ ученикамъ. Поцѣлуемъ при нихъ... Совѣсти наши примирились»... Съ этими словами онъ обнялъ меня и мы трижды—по—трижды расцѣловались... Стали, обнявшись, ходить по комнатѣ... Несомнѣнно сошелъ съума... Бѣдный, несчастный молодой человекъ!.. Говорилъ онъ много, кричалъ страшно, потрясалъ кулаками и все цѣловался — цѣловался...

За 2 минуты до девяти часовъ я попросилъ къ себѣ Инспектора Семинаріи. Въ 9 часовъ ушелъ служить Литургію... Изъ алтаря послалъ ученика сказать Помощнику Инспектора, чтобы послали моихъ лошадей за врачомъ—спеціалистомъ В. А. Брянцевымъ и какимъ либо еще инымъ...

Послѣ Литургіи бесѣдовалъ съ врачами. Буйное помѣшательство; немедленно надо отпратить сначала въ здѣшнюю Кузнецовскую больницу (въ психіатрическое отдѣленіе ея), а потомъ въ Казань...

Пробовалъ говорить съ уже—разбушевавшимся Вал. Васильевичемъ. Ничего не выходитъ! Ругается.. Вскакиваетъ на диванъ... Бьетъ вещи и лампы... Часа въ два дня отпратили больного изъ моей квартиры въ больницу... Ушелъ безъ сопротивленія.. Несчастнѣй!!.. Думаю, что скоро помретъ: ужъ очень почва то—подготовленная*)... Не вынесла слабая голова новаго движенія.. Все въ ней перепуталось, перемѣшалось**)... —Тяжело, отчаянно —тяжело... Боюсь за свою собственную голову, какъ бы съума и самому не спать... Тяжело!..

~~~~~  
31-е прошло тихо... Ученики (нѣкоторые) разбѣзжаются.

~~~~~  
1-го ноября Архіепископъ подписалъ нашъ «докладъ», съ прибавкою на концѣ словъ—«если они раскаются». Докладъ посланъ. Дай Богъ, чтобы помиловали!...

*) Двѣ ужасныя болѣзни со времени обученія въ Семинаріи.

**) О В. В.-чѣ кратко скажемъ въ заключеніи.

Вечеромъ получилъ отъ Владыки 25 «заявленій» б. учениковъ (24 + 1 изъ «13»).

2-го ноября, въ 6 ч. вечера, состоялось Общее Педагогическое Собрание. Заслушали предложеніе Владыки: «Препровождая при семь двадцать пять прошеній бывшихъ учениковъ Иркутской духовной семинаріи, предлагаю Правленію рассмотретьъ эти прошенія и по обсужденіи сдѣлать должное постановленіе. Тихонъ, Архіепископъ Иркутскій. Ноября 1 дня 1905 г.».

Прошенія въ формѣ заявленій поданы слѣдующаго содержанія: «Заявляю о моемъ желаніи продолжать ученіе въ Иркутской духовной семинаріи, а поэтому прошу пересмотрѣть вопросъ объ исключеніи меня изъ числа воспитанниковъ этой семинаріи и о послѣдующемъ сообщить мнѣ».

Постановили: «Правленіе Семинаріи не находитъ возможнымъ разсматривать заявленія б. воспитанниковъ Семинаріи, такъ какъ ходатайство объ уволенныхъ воспитанникахъ уже отослано въ Святѣйшій Синодъ, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства на журнальномъ постановленіи Правленія Семинаріи отъ 28 октября сего года».

3-го ноября Архіепископъ отослалъ 24 заявленія*) въ Святѣйшій Синодъ. Ну и «заявленія»!.. Жалко и чудно!..

Я кончилъ печальную повѣсть.. Остается сдѣлать краткое заключеніе.. Буду говорить пунктами.

1) Говорятъ—мы не любимъ Россіи*). Нѣтъ я люблю свою св. Русь беззавѣтно, люблю свой бѣдный народъ—страдалецъ безконечно, думаю, нисколько не меньше, чѣмъ самые искренніе народники. Я не говорю, и никогда не скажу, что въ нашемъ самодержавномъ государствѣ текутъ медь и

*) Одинъ б. ученикъ взялъ у Владыки свое „заявленіе“ назадъ.

**) Потому что не примыкаемъ къ партіямъ народолюбцевъ,

млеко, что у насъ для всѣхъ кисельные берега, что у насъ все прекрасно, справедливо, чисто, честно, гладко, все устроено; я не говорю, что царизмъ — единая, едино—истинная, только одна Богомъ установленная, форма правленія народомъ... Нѣтъ и нѣтъ!. Я самъ, если хотите, социаль—демократъ, но въ благородномъ значеніи этого слова. Я вижу, отлично знаю, что много—много у насъ, на Руси, неурядиць, что наша земля велика и обильна, а порядка въ ней все нѣтъ, что много—много у насъ произвола, грабежа народныхъ богатствъ, террора, что у насъ только для «избранныхъ» и медъ и млеко, и кисель и жирные пироги, а для многихъ—многихъ сухія корки и Божья вода... Понимаю я отлично, что всякое общество, всякій народъ, растетъ и развивается, а отсюда совершенно естественно мѣняются и образы народного правленія... Но..., простите, я прежде всего не понимаю насилія; не понимаю я также, какъ, какимъ путемъ, добрѣ (хорошо) устроить государство, тѣмъ болѣе не понимаю, что вижу я, что у насъ нѣтъ на Руси никакой ясной, определенной, полной программы, что у насъ самые горячіе любители народа ищутъ и жаждутъ совершенно—разнаго, признають различныя средства, стремятся не къ одной точкѣ, часто употребляютъ я ложь, и нечестность. А водворить истину могутъ только тѣ, которые знаютъ истину и слѣдуютъ ей... Чего самъ не имѣешь, того другому никогда не дашь...

Я много—много читалъ книгъ по политическимъ и социальнымъ вопросамъ; я много—много и мучительно думалъ объ этихъ вопросахъ, но... простите! у меня должно быть умъ не государственный: не понимаю я, какъ устроить Русское Государство... Это такая сложная, великая, громадная задача, надъ которой надо думать—думать—думать, къ рѣшенію которой нельзя приступать такъ сказать «съ голыми руками», съ довольно—пустой головой и съ нечистымъ сердцемъ...

Въ «Стачечныхъ листкахъ» читаю я, что «намъ пужно». Намъ нужно: «1) Учредительное собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. 2) Демократическая республика (народное правленіе безъ царя). 3) Свобода слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ и совѣсти. 4) Государственный законъ о рабочемъ днѣ не больше 8 часовъ для всѣхъ рабочихъ Россіи. 5) Прогрессивный подоходный налогъ. 6) Всеобщее вооруженіе народа».

Читалъ я объ «Учредительныхъ Собраніяхъ» весьма много, читалъ я и исторію этихъ Собраній въ различныхъ западныхъ государствахъ, — и много недоразумѣній возникло у меня! Вполнѣ согласенъ (не понять это трудно), что «всеобщее, равное, прямое и тайное*» голосованіе», избирательное право, — идеальное право, желанное устройство, но попробуемъ (это чрезвычайно-трудно) провести начало такого избирательнаго права у насъ, на Руси. У насъ громаднѣйшее большинство крестьяне — землепашцы. Положимъ Учредительное Собраніе будетъ состоять изъ 1000 человекъ. Согласно честному, «всеобщему, равному, прямому и тайному» голосованію, въ Собраніе должно попасть, — должно быть не менѣе, — 897 (говорю на угадъ) членовъ — крестьянъ. Остальные члены (103, не болѣе) будутъ рабочіе, дворяне, мѣщане, евреи, поляки, буряты и т. д.**), вообще не-крестьяне землепашцы.. Что же сіе будетъ за Собраніе?!

Быть представителемъ крестьянъ можетъ, конечно, только самъ крестьянинъ, — только тотъ, кто трудится и живетъ тою же жизнію, также, какъ онъ... Ни помѣщикъ, ни урядникъ, ни крестьянскій начальникъ, ни священникъ представителями народа, крестьянъ, быть (по совѣсти) не смѣютъ, не могутъ. Они всегда, непременно, будутъ говорить свое,

*) Объ этомъ пунктѣ („тайное“), впрочемъ, можно спорить.

**) Врачи, адвокаты и т. п... Все это смотря по принципу дѣленія на группы народонаселенія Россіи; дѣлать нашъ народъ на консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ, конечно, рано, немислимо и весьма — грѣшно.

павязывая (въ больш. или меньш. степени, болѣе или менѣе сознательно) народу «свое», доморощенное (а это—нечестно, худо)...

Трудная, ужасно—трудная задача,—само по себѣ превосходное, — «всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе»... Въ западныхъ государствахъ, гдѣ политическая жизнь гораздо болѣе жива и интенсивна, чѣмъ у насъ,—этого права собственно еще нѣтъ нигдѣ... Если почитать исторію избирательнаго права въ Западной Европѣ, то совершенно ясно станетъ, какъ постепенно и весьма медленно тамъ дошли даже до настоящаго положенія въ Европѣ этого права... У насъ—сразу все, идеаль давай!!.. Не понимаю сего,— не понимаю... Боюсь (и, согласитесь, есть большія основанія страшиться), что наше «Учредительное Собраніе» будетъ не народнымъ, не русскимъ...

«Демократическая республика (народное правленіе безъ царя)!.. То же высокая взята нота!!.. Признаю прелесть «демократической республики», «народнаго правленія безъ царя», — но созрѣли ли мы до сего?.. Только не забудьте, не забудьте «народъ»... И здѣсь — страхъ и трепеть объеменить меня за истину, за Русь!..*»

О свободѣ (полной) «печати» и «стачекъ» нужно много подумать.

Противъ 8-часоваго рабочаго дня ничего имѣть нельзя, но и здѣсь, и по этому вопросу, надо поучиться у Западной Европы... Долгомъ считаю сказать, что если «народными»

---

*) Не могу удержаться и не рассказать, какъ бесѣдовалъ одинъ преподаватель Семинаріи съ ученикомъ ея — самымъ „отчаяннымъ революціонеромъ!!“ „Чего вы хотите, къ чему вы стремитесь? Къ конституціи?“ „Нѣтъ; мало!“ „Къ республикѣ?“ „Нѣтъ, мало!“ „Къ чему же?“ „Къ Соединеннымъ Штатамъ“!..

Соединенные Штаты Америки—отличное государство, но на сколько ступенекъ вверхъ это скачокъ для Россіи? На 200, не менѣе.. Лбы разобьются!!..

Надо знать исторію и Россіи и Америки,—чтобы говорить такъ храбро, какъ говорилъ милый и умный юноша... Смѣшно!!

нуждами будутъ завѣдывать въ Россіи такія лица, какія (какъ я слышалъ) вѣдали этимъ въ г. Иркутскѣ (во время послѣднихъ «событій»), то пользы отъ такового завѣдыванія для народа врядъ ли будетъ больше, чѣмъ отъ теперешняго порядка... Нельзя въ правители допускать лицъ, завѣдомо— грабившихъ и народъ, и казну, — нажившихъ милліоны отъ ограбленнаго рабочаго...

Прогрессивный подоходный налогъ, насколько я знаю политическую экономію, — прекрасная вещь.

О «всеобщемъ вооруженіи» надо сильно и много подумать; рѣзни бы, бойни бы не вышло!..

И такъ, — я люблю Россію, я вижу что въ ней нѣтъ порядка, много худаго, я не почитаю Самодержавіе единою истинною формою правленія, я понимаю естественную переменную формъ государственнаго устройства, — но я не могу и самъ понять всего, и у другихъ не могу усмотрѣть полного, стройнаго, законченнаго пониманія хода усовершенія русской жизни... Научите меня!!.. Я не былъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ,... но я видѣлъ, что было на — дняхъ въ Иркутскѣ. Это не сила, а безсиліе, это — полное отсутствіе единства, солидарности, организація, часто простаго смысла... Грустно, но это — такъ...*)

2) Пусть судить меня всякій, какъ знаетъ, но я ни одной минуты не покривилъ въ послѣднемъ дѣлѣ съ семинаристами своею совѣстію; она (совѣсть) меня не зазираетъ. Я сдѣлалъ для моихъ учениковъ и теперь все — все, что могъ, что позволяла мнѣ моя совѣсть и мой святой долгъ, мои убѣжденія... Всѣ ихъ «безобразія» въ Семинаріи, все ихъ непослушаніе, командованіе, пьянство, крики... я покрывъ, не поставилъ имъ въ вину, а вѣдь за одно это безо-

*) Подъ резолюціей покойнаго князя Трубецкаго, этого отличнаго человѣка — христіанина и истиннаго любителя русскаго народа, — я самъ подпишусь (если мнѣ его резолюцію передавали вѣрно; овъ — врагъ насилія).

бразіе Семинаріа должна была быть немедленно закрытой и ученики уволенными.... Про ихъ, ученическое, самое явное вмѣшательство въ революціонное движеніе города я и не говорю: оно — нетерпимо ни въ одномъ средне-учебномъ заведеніи...

Слышалъ я наивныя разсужденія нѣкоторыхъ о томъ, что я—деспотъ, что я—волкъ въ овечьей шкурѣ, что я — мягко стлалъ, а жестко ребятамъ спать пришлось. Нѣтъ, я — не деспотъ, я — не волкъ, овечьей шкуры я на себя никогда не надѣвалъ, — я говорилъ ученикамъ всегда правду, одну правду... Я старался быть съ ними всегда честнымъ... Думаю, что сами ученики скажутъ не иное... Бросать же камни, грязь, кучу грязи въ другаго, не зная дѣла и часто не имѣя должнаго пониманія своихъ, взятыхъ на себя, обязанностей, — очень, очень, очень легко...

Говорятъ, что я могъ предупредить событіе, закрыть Семинарію временно ранѣе вечера 15-го октября... Говорить, это давно извѣстно, легко («языкъ безъ костей»). Предупредить «скандалъ» 15-го октября ни я, никто другой изъ инспекціи, не могъ: все было тихо; всеночная и ужинъ 15-го прошли вполне — мирно. Несчастіе налетѣло внезапно, какъ ураганъ, какъ смерчъ. Да и закрыю я Семинарію временно самъ, до закрытія ея учениками, — все равно безобразія были бы тѣ-же. Рванули чисто по — бурсацки... Сдержать было невозможно... Заведеніе наше, къ тому же, — закрытое...

Говорятъ, что я долженъ былъ разорвать «резолуцію» учениковъ, терпѣть всё ихъ безобразія, чуть ли не радоваться, что мои ученики — «передовые» дѣятели; говорятъ, что я долженъ былъ все скрыть и покрыть, а потомъ... продолжать занятія, какъ ни въ чемъ ни бывало, какъ будто ничего не было, не приключилось... Это я именую подлостью, а подлецомъ я никогда не былъ, не состою и состоять не желаю... Я — не крайній консерваторъ, но я знаю свой долгъ...

3) Я написал о всѣхъ Семинарскихъ «событіяхъ» все и притомъ откровенно. Знаю, что многое изъ написаннаго можетъ набросить нѣкую темную тѣнь на моихъ учениковъ (ихъ безобразія, напр., въ Семинаріи, или ихъ нетвердость въ убѣжденіяхъ и т. д....) Если не смотря на это (я своихъ воспитанниковъ люблю и люблю самоотверженно), я рѣшился напечатать все, то исключительно потому, что я не могу винить и не виню «ребятъ» очень много и сильно... Виню я больше и сильнѣе — другихъ, взрослыхъ, стороннихъ..

Юноши всегда впечатлительны; они всегда захватываются всѣмъ, даже только имѣющимъ видъ добра и силы, захватываются всесторонне, всецѣло, какъ бы врасплохъ. У нихъ нѣтъ еще своего всесторонняго знанія, опыта, убѣжденія; въ нихъ, внутри ихъ, не имѣется еще ничего крѣпкаго, что могло бы встать, противостать чему либо, часто только по виду великому и честному. Будучи впечатлительными, юноши въ тоже время еще мало — разумны и мало — дисциплинированы. Отсюда — одна горячая мысль, одна искра и все горитъ, весь юноша пылаетъ... Онъ забываетъ все, не удержимъ... Юноши — сила молодая, многая, но изъ этой силы можно сдѣлать все, даже самое злое, лишь бы оно было покрыто, имѣло видъ добра, истины и красоты....

Моиxъ учениковъ обманули.. Они начитались всяческихъ «хлесткихъ», эффектныхъ, но не всѣмъ — вѣрныхъ, книжечекъ и прокламацій.. Имъ наговорили, что — „все готово“, „революція наступила“, „самодержавіе низвергнуто“, «Москва, Петербургъ, Кіевъ, Казань и пр. и пр. и пр. въ рукахъ народа», „солдаты за насъ, за революціонеровъ“... Головы закружились у юношей.. Кричи — же, пой — же „Марсельезу“, закрывай занятія, не слушайся начальства (оно — царская «свора», дворня!..)*) Я читалъ много всякихъ здѣшнихъ прокламацій, но я не читалъ почти ни одной изъ нихъ,

*) Такъ-ли, такъ ли это?!

которая была бы безъ прикрасъ, безъ нѣкоторой лжи и эффектовъ. Возьму, на примѣръ, «Стачечный листокъ № 4» (нашъ Иркутскій)... Поражаюсь его ложью; поражаюсь и тѣми красивыми фразами, эффектами, которые только и рассчитаны, очевидно, на «малыхъ сихъ», на публику весьма и весьма слабо—развитую, живущую больше чувствомъ однимъ...

Вотъ примѣры лжи, обмана, въ «Стачечномъ листкѣ № 4»: «Пришли» (такъ ли?) «революціонные дни!». Революціонное самоуправленіе города не мечта... Это фактъ (такъ ли?)... Зарево російской революціи показалось и это—зарево «той революціи, которая составитъ новую эру...») во всеобщей исторіи...»), которая станетъ исходнымъ пунктомъ для всѣхъ событій двадцатаго вѣка»... «Еще одинъ напоръ, товарищи... Старый режимъ рушится... онъ палъ уже подъ вашимъ напоромъ» (такъ ли все это?). По словамъ этого «листка», право-же по меньшей мѣрѣ республика у насъ уже готова... Къ чему утвривать, обманывать, наэлектризовывать искусственно людей, малоразвитыхъ еще?!. Правды дайте, какъ можно больше правды...

Вотъ примѣры той же лжи (но другаго нѣсколько рода): 16 октября состоялся «грандіозный» митингъ; было «свыше 5000**») человѣкъ». Такъ ли? Можетъ ли митингъ 16 октября называться «грандіознымъ», если даже и повѣрять***), что тамъ было свыше 5000 человѣкъ?? Изъ 5000 надо половину откинуть на «зѣвакъ», на „русскихъ людей“, любящихъ всякія зрѣлища, летящихъ, какъ мухи къ меду, ко всякой новости, проществу; изъ 2500 надо 500 бросить на юношей, на учениковъ и вообще на такихъ несовершеннолѣтнихъ, незрѣлыхъ людей,

*) Многоочія «эти» — подлинника.

***) Въ листкѣ очевидно ошибочно напечатано «5000 тысячъ», т. е. 5.000.000 человѣкъ, пять «милліоновъ».

****) А этому что то не вѣрится. Во 1-хъ, мнѣ одинъ „революціонеръ“, бывшій на митингѣ, говорилъ самъ, что «болѣе 2000 не было», а во вторыхъ, врядъ ли помѣщеніе Общественнаго Собранія нашего и вмѣститъ 5000 человѣкъ, и даже болѣе того.

кои и на митинги не пускаются... А что было на томъ «грандіозномъ» митингѣ?.. Орали, шумѣли, ругались... Много ли тамъ сказано было умнаго, зрѣлаго? Мнѣ очевидцы (весьма — убѣжденные любители народа) говорили, что митингъ «не удался», — что это было нѣчто очень плохо организованное; эта была не разумная сила, а скорѣе крикливое проявленіе озлобленнаго безсилія... Ученики передавали мнѣ, что на ихъ, ученическихъ, сходкахъ бываеъ больше толку и порядку, чѣмъ было на «грандіозномъ» митингѣ... Тишину водворяли пятнадцати—минутнымъ трезвономъ и маханіемъ платка... — „Примкнули“ служащіе «Казенной Палаты» и т. п., «приказчики» и т. п. Такъ ли? Не силою ли заставили закрыть и Палату, и магазины, и многое—многое иное? Зачѣмъ молчать о насиліи?! Благородно ли сіе умолчаніе?... Правды больше!.. И т. д., и т. д..

Примѣры эффектовоу, экзальтирующихъ недоразвитую публику: И все указанное выше и еще, напр., слѣдующее: «Ораторъ извозчикъ»*), — примкнули нѣкоторые «жандармы», — рѣчь о «черной сотнѣ», и т. д., и т. д..

Мои Семинаристы, ихъ делегаты, поставлены на второмъ мѣстѣ. Очень лестно!.. А я бы на мѣстѣ «Революціоннаго Комитета», увидѣвъ бѣлыя пуговицы учениковъ, спросилъ бы юношей: откуда и куда? Сколькихъ лѣтъ у васъ учатся? Съ 14 до 19—20?—Идите и учитесь!. Не ваше дѣло на митинги ходить и делегатовъ присылать; ваше дѣло — учиться, учиться и учиться**)..

— «Революціонеры» (это не изъ листка № 4) распространяли слухи, что солдаты за нихъ, что солдаты отказываются стрѣлять по нимъ, защищаютъ ихъ, нападаютъ на

*) Не знаю, — можетъ быть и врутъ, но я слышалъ, что извозчикамъ за забастовку платили деньги, а когда имъ перестали платить, тогда они отказались бастовать, выѣхали на биржу...

**) Это не значитъ (я объ этомъ говорилъ уже выше), что учащіеся средней школы не могутъ и не должны «политикой», заниматься готовиться къ жизни. Не ихъ дѣло—активное участіе принимать въ политическихъ движеніяхъ...

«черную сотню»... Да, солдаты защищали забастовщиков отъ разнѣваннаго народа (и, можетъ быть она и была, отъ «черной сотни»), но потому, что имъ было приказано защищать всѣхъ, кого обижаютъ*).

— Когда «революція» (?) кончилась и, напр., магазины и учебныя заведенія стали открываться, тогда появились «Стачечныя листки», гдѣ заявлялось, что это и не была «революція», что никто и не думалъ, что это «революція» (ср. съ листкомъ № 4-й). Была лишь репетиція, проба силъ... Къ чему же было раньше обманывать, говорить неправду? Можно ли устраивать подобныя репетиціи? Не Нероновскія ли это репетиціи?!... Бѣдные мои юноши!... Магазины и уч. заведенія открыты не съ «разрѣшенія» Комитета**).

Меня осуждаютъ; мнѣ говорятъ, что «я» — жестокъ, что «я» погубилъ юношей.. Подумайте, любители народа, подумайте почестнѣе; не вы ли, не вы ли жестоки, не вы ли погубили учениковъ моихъ, такъ много юношей?.. Вы взяли ихъ себѣ, вы обманули ихъ своими рѣчами и письменами, вы приняли ихъ въ свои комитеты и союзы, — и вы же отказали имъ въ рублѣ, въ помощи, когда они захотѣли ѣсть!... «Вы» — жестоки, а не «мы»... Мы все сдѣлали для ихъ пользы; мы только не продали своей совѣсти. Подумайте честнѣе, и вы увидите тогда, сколько любви, самой самоотверженной и честной любви къ этимъ еще недоразвившимся людямъ проявили мы, ихъ начальство, а не вы, осмѣливающіеся бросать въ насъ камни и грязь, презирающіе насъ и негодующіе противъ насъ... Вы вооружили воспитанниковъ противъ воспитателей. Вы дѣйствовали на нервы, разогрѣвали страсти, не думая какими слезами будутъ потомъ обливаться юные, невозрастные... Господь вамъ Судья, но наша совѣсть чиста...

*) См. объ этомъ прекрасное объявленіе Генералъ - Губернатора отъ 20 октября с. года. Оно правдивѣе листка № 4-й.

**) Какъ это писалось въ «листочкахъ».

4) Можно ли особенно сильно обвинять учениковъ въ ихъ увлеченіи? Можно ли признать ихъ подписи подь «резоллюціей» выраженіемъ ихъ «убѣжденія»? Можно ли обвинять, наконецъ, ихъ въ измѣнѣ «убѣжденія», когда громадное большинство изъ нихъ отказалось отъ подписи своей?..

На всѣ эти три вопроса должно отвѣтить, конечно, отрицательно: а) юноши всегда юноши, всегда легко «увлекаются». Виноваты больше тѣ, которые своими утрированными книжечками, листками и рѣчами позволяли себѣ увлекать штенцовъ; виноваты больше тѣ, которые льстили юношескому самолюбію, принимая отъ нихъ делегатовъ, принимая ихъ въ число народныхъ дѣятелей...

б) Подписи подь резолюціей у $\frac{1}{3}$ воспитанниковъ, но не больше, могутъ быть почитаемы, пожалуй, не сознательными, а полусознательными (сознательными, я думаю, онѣ были у трехъ — пяти человекъ). Громадное большинство учениковъ подписывало резолюцію, огуненное и увлеченное трескучими фразами ораторовъ — агитаторовъ (даже учениковъ же)... Одинъ ученикъ разсказалъ одному своему учителю (уже послѣ забастовки), напр., слѣдующее: погнали насъ 16-го въ 4 классъ; лежать тамъ уже исписанный фамиліями листъ; «подписывайте», — говорятъ, — это вчера рѣшили!. Мы — младшіе; какъ же не подписать!? Страшно.. Ну и подписали.. Нѣкоторые изъ подписавшихъ даже просто думали, что они подписываютъ петицію объ измѣненіяхъ въ Семинарскомъ уставѣ...

Бывали и насилія (это — несомнѣнно)*... Вотъ, напр., факты, которые ясно свидѣтельствуютъ о насиліи: первую резолюцію подписали не всѣ; нѣкоторые изъ неподписавшихъ приходили ко мнѣ и слезно плакали.. Я совѣтовалъ имъ держаться «своего», ихъ мнѣнія... Дополнительная резолюція ими подписана: ихъ подписаться заставили... Послѣ моего объявленія № 9-й (см. стр. 702-ю), гдѣ говорилось: «неужели вамъ

*) Хотя и очень грустно.

не видать слезъ «ребятъ», — тѣхъ, которыхъ вы ведете, какъ овецъ на заколеніе, которымъ даже мало — понятны слова «республика» и т. п.», — одинъ воспитанникъ 5 класса, «великій» и убѣжденный «революціонеръ», просилъ меня черезъ одного преподавателя, чтобы я вычеркнулъ изъ — подъ второй резолюціи фамилію одного ученика 1-го класса. Что сіе странное означаетъ?!.. И т. д.

Изъ бесѣдъ своихъ съ учениками и во время забастовки, и послѣ нея я прекрасно увидѣлъ (и не увидѣть этого было нельзя), что большинство подписывало резолюцію по началу «стадному», а нѣкоторые по «насилю»... Признать «убѣжденіе», напр., у 14-лѣтнихъ мальчиковъ я рѣшительно отказываюсь..

5) Громадное большинство учениковъ отъ подписи своей подъ резолюціей отказалось; не отказалось лишь 24 человека, изъ которыхъ нѣкоторые (какъ я имѣю основанія думать) не отказались по единому самолюбію и по простому упрямству... «Подлецы» — ли отказавшіеся? О, нѣтъ, далеко нѣтъ!.. Увлеченіе прошло (а убѣжденія не было), огонь — угасъ!.. Это такъ по — юношески, такъ психологически — понятно!.. Юноши совершенно — спокойно могли признать и свое увлеченіе, и неразумность (несомнѣнную) своей крайней резолюціи; они съ чистою совѣстію могли просить о своемъ обратномъ пріемѣ, какъ о милости св. Церкви. Начудили и набезобразничали они великую массу; что же худаго сознаться въ увлеченіи?... Въ чужую душу, конечно, не влѣзешь. Я нисколько не увѣренъ, что половина изъ отказавшихся отъ подписи отказалась прежде всего по чувству самосохраненія, но отказалась отъ подписи эта половина все же и потому, что подпись — то была не подписью «убѣжденія», а подписью «увлеченія»... Зарвались!..

5) 17-го октября изданъ манифестъ о свободѣ слова и т. п.; этотъ манифестъ обнародованъ въ Иркутскѣ 22-го. Въ этотъ же, кажется, день сталъ извѣстенъ намъ и указъ объ амнистіи государственныхъ преступниковъ... Что же мои «преступники», 37 человекъ (24 + 13)? что съ ними станется? будутъ ли они возвращены назадъ, даруется ли имъ возможность продолжить и окончить образованіе?..

Не знаю, — не знаю. Мы, — т. е. я, Общее Педагогическое Собраніе и Архіепископъ, — перерѣшать дѣла не можемъ, иначе дѣла рѣшить не могли. Намъ только могутъ упрекать и карать за мягкость, за то, что мы сразу не распустили уволенныхъ учениковъ по домамъ (еще 16-го октября), — за то, что мы вновь, хотя и временно, открыли Семинарію и допустили уволенныхъ учениковъ вновь къ обученію.. Какъ будетъ примѣненъ манифестъ и указъ къ Духовнымъ Семинаріямъ положительно не знаю, пока неизвѣстно; это дѣло Святейшаго Синода.

На слѣдующей недѣлѣ мнѣ придется, должно быть, ѣхать съ довлдомъ въ Петербургъ. Употреблю все свои старанія, чтобы участь «пострадавшихъ» (по собственной волѣ) моихъ б. учениковъ была облегчена... Да даруется имъ полное прощеніе за ихъ безобразное поведеніе въ прошломъ!..

«Я» бы — всѣхъ ихъ допустилъ въ Семинарію, но не въ Иркутскую, а вную: ужъ очень они здѣсь «наскандалили»... Грубо все у нихъ вышло, — гадко!!!.

Наконецъ, 6) не могу не выразить здѣсь крайняго удивленія по поводу неразборчивости нашей мѣстной газеты — «Восточнаго Обозрѣнія». Ничего не зная, часто ничего не понимая, она берется судить объ очень многомъ «сплеча», авторитетно, но поспѣшно и поверхностно.. Специальность сей почтенной газеты сводится, кажется, иногда только къ псевнуаціямъ, къ разжиганію страстей, къ умноженію ссоръ, неудовольствій, раздѣленій и распрей...

Почтило «Восточное Обозрѣніе» и послѣднія «событія» въ Семинаріи своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, своимъ либеральничающимъ незнаніемъ... Если не ошибаюсь, оно трижды ругнуло насъ,— и меня, и все Семинарское Начальство, все наше Педагогическое Собраніе. Первый разъ оно кратко, лаконически и вполне голословно упрекнуло Семинарію въ жестокости и, конечно, нечестности, — въ требованіи отъ учениковъ какихъ то невозможныхъ, крайне — унизительныхъ, прошеній при обратномъ поступленіи... Я отвѣчалъ краткимъ письмомъ въ редакцію, но, конечно, отвѣтъ не помѣстили это — обычный, совершенно — нечестный, приемъ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія»: она поноситъ, искажая факты, можетъ кого угодно и сколько угодно; свобода!.. А ее — ни — ни; не тронь! Иначе «газета не пойдетъ» — заявилъ мнѣ какъ то одинъ изъ видныхъ участниковъ газеты, когда мы говорили съ нимъ о честности слова печатнаго... Русская свобода, равная полному произволу для себя и полному насилію надъ другими!..

Вторая замѣтка была побольше; вотъ она: «Въ духовной семинаріи творится что-то странное. За участіе въ забастовкѣ нѣкоторые ученики уволены и не принимаются обратно, другіе принимаются и въ то же время увольняются до экзаменовъ домой, третьи принимаются и съ ними предполагаютъ начать «временныя» занятія... Педагогическій отвѣтъ семинаріи никакъ не можетъ понять всей педагогической несостоятельности подобныхъ экспериментовъ, никакъ не можетъ отказаться отъ репрессивныхъ и карательныхъ мѣръ по отношенію къ увлекающейся молодежи, выбрасывая за бортъ наиболѣе способныхъ и чуткихъ совѣстью юношей.

За грѣхи (да и грѣхи ли это?!) всѣхъ страдаютъ немногіе «главари»... Какъ производится это отдѣленіе овецъ отъ козлищъ — мы не знаемъ, но исторія прошлаго показываетъ, что въ лучшемъ случаѣ педагоги ошибаются и за-

блуждаютъ, а чаще желаютъ, повидимому, избавиться отъ несвокопнаго элемента, мѣшающаго имъ спокойно дремать на скучныхъ урокахъ. Не такъ ли обстоитъ дѣло и здѣсь?

Терминъ «временныхъ» педагоговъ со всей справедливостью можно бы примѣнить къ семинарскимъ педагогамъ, т. к. новый порядокъ и новыя условія русской жизни только «временно» могутъ еще вручать судьбу молодыхъ поколѣній людямъ «въ футлярѣ» и съ черствой душой.

Одинъ изъ преподавателей, несогласныхъ съ постановленіями совѣта, В. В. Копыловъ выходитъ, какъ мы слышали, въ отставку».

— Ничего «страннаго» въ нашей Семинаріи не «творилось» и не «творится». Дѣлали для увлекшихся учениковъ все возможное; для ихъ блага, а не для своего. Педагогическое Собраніе работало много и вполне—честно. 24 ученика не приняты въ семинарію; они сначала сами не желали поступать обратно, а потомъ подали такія «заявленія», которыя врядъ ли кто почтетъ разумными (да и дѣло было уже не въ рукахъ Правленія Семинаріи, а послано въ Синодъ). Никогда не надо забывать честности; милость не должна варушать правды..

Кто, какіе ученики «увольнялись» домой (до 1 января 1906 года) объ этомъ читай выше; эта мѣра—не мѣра наказанія и удаленія нѣкоторыхъ воспитанниковъ, а мѣра для ихъ же блага, мѣра, конечно, исключительная, но исключительная въ виду исключительности временъ, нами переживаемыхъ. Врачь Семинаріи и словесно, и (наконецъ, 2 ноября) письменно мнѣ и собранію заявлялъ, что: «Переживаемыя обществомъ событія, переживаютъ и воспитанники Семинаріи. Первое напряженіе, страхъ за будущее не даютъ имъ спокойно продолжать занятія и они массами обращаются за соувѣтомъ. Имъ необходимъ покой и отдыхъ въ домашней обстановкѣ».

Въ Собраніи 2 ноября слушали и разсматривали этотъ рапортъ врача и такое мое предложеніе: «Представляя при семъ рапортъ врача Семинаріи, съ своей стороны считаю долгомъ удостовѣрить несомнѣнный фактъ — нервную боязнь, страхъ, учениковъ за свое житіе. Кто то имъ говорить, что сначала народъ побьетъ «жидовъ», а потомъ Семинаристовъ, за ихъ «забастовку». Правда или нѣтъ то, что говорятъ и чего опасаются ученики — не знаю, но во всякомъ случаѣ надѣяться на мирное и тихое дальнѣйшее занятіе въ стѣнахъ нашего закрытаго и такъ ясно себя показавшаго заведенія, по моему мнѣнію, отнюдь нельзя. Очень возможно, что намъ придется и самимъ десять разъ закрывать въ нынѣшнемъ году Семинарію».

Принимая во вниманіе изложенное, я нахожу не только возможнымъ, но и желательнымъ — разрѣшить воспитанникамъ, того желающимъ, поѣхать домой, гдѣ они и должны готовиться. Темы для сочиненій имъ тоже можно теперь же выдать. Продолжать уроки можно въ тѣхъ классахъ, гдѣ окажется не менѣе 5 человекъ, пожелавшихъ остаться».

Постановили: «Отложить сужденіе о продолженіи или прекращеніи учебныхъ занятій до конца первой четверти»....

Отпуски ученикамъ по уважительнымъ причинамъ въ учебное время, по Уставу, даетъ Ректоръ. Я не могъ взять на себя нравственную отвѣтственность задерживать юношей въ такое смутное время; Богъ знаетъ, что еще въ Иркутскѣ будетъ!... Я видѣлъ нервное состояніе учениковъ, сожалѣлъ времена и нравы, и рѣшилъ (съ благословенія Архипастыря) увольнять разстроенныхъ (по медицинскимъ личнымъ свидѣтельствамъ), вслѣдствіе выдачею учебниковъ и темъ для сочиненій облегчая уѣзжающимъ подготовку дома, своими силами и трудами ...

Я отлично понималъ великую трудность приготовленія уроковъ дома, а потому нѣсколько разъ говорилъ объ этой

трудности ученикамъ и вывѣшивалъ имъ о семъ особья объявленія ... Вотъ, напр., одно изъ моихъ объявленій (отъ 3-го ноября): «Слышу я, что вамъ кто-то говоритъ—будто тѣ, которые останутся здѣсь, въ случаѣ закрытія Семинаріи, *будутъ оставлены на 2-й годъ*; это—*ложь*. Совѣтовалъ бы не уѣзжать.... Если закроемъ (???) Семинарію,—ничего не потеряете... Будете держать тогда экзамены въ маѣ...

Тѣмъ, которые ѣдутъ, держать экзамены будетъ *несомнѣнно гораздо—труднѣе*... Не глумите!..»

Смѣяться надъ словомъ—«временныя» занятія, издѣваться надъ «временными» (?) педагогами можетъ только тотъ, кто совершенно не знаетъ Устава Семинарій, порядка управленія ими. Пусть «Восточное Обозрѣніе» поблагодаритъ Архіепископа, который согласился съ Педагогическимъ Собраніемъ и «временно», до рѣшенія Синода, открылъ Семинарію и занятія въ ней: до Синодальнаго рѣшенія Семинарія собственно должна была быть закрытой, а всѣ ученики ея уволенными*). . Тогда пострадало бы множество учениковъ!.. «Временныхъ» педагоговъ у насъ не было и нѣтъ. Никакихъ «экспериментовъ» надъ учениками мы не предѣлывали; въ педагогикѣ смыслимъ право же не меньше «Восточнаго Обозрѣнія»; о какихъ «репрессивныхъ и карательныхъ мѣрахъ по отношенію къ увлекающейся молодежи» въ Семинаріи говоритъ газета—не понимаемъ: таковыхъ мѣръ въ нашей Семинаріи было очень и очень мало, но все же карать иногда должно и молодежь**),..

*) См. стр. 712 сего письма. Мнѣніе «трехъ» на засѣданіи 21 октября было совершенно—законно; если «большинство» рѣшило въ-открыть Семинарію, то только ради любви и сожалѣнія ко «многимъ» ученикамъ, къ большинству ихъ.

**) «Восточное Обозрѣніе» поетъ хвалебный гимнъ «37»; это—«наиболѣе способные и чуткіе совѣстью юноши». Я не говорю, что среди «37» нѣтъ весьма способныхъ и чуткихъ совѣстью юношей, но во-первыхъ далеко не всѣ тамъ таковы, а во-вторыхъ немало весьма способныхъ и не менѣе чуткихъ совѣстью юношей и теперь состоятъ на-

Позволимъ себѣ не согласиться съ «Восточнымъ Обзорніемъ», что ученики Семинаріи за послѣднія «событія», двѣ, даже не «согрѣшили»: они гадко, отвратительно поступили, чисто по-бурсацки... Страданія «главарей» — явленіе правое и самое обычное... «Отдѣленіе овецъ отъ козлищъ» Собраніе производило на болѣе честныхъ и разумныхъ основаніяхъ, чѣмъ то желательно указать газетѣ, только издаваемой надъ педагогами, а ничего въ педагогіи, очевидно, не понимающей... Очень легко, но врядъ ли честно, заявлять, что «исторія, прошлаго*») показываетъ... и т. д. (читай выше). Не судить ли редакція по себѣ?!

Педагоги наши не люди «въ футлярѣ», не люди «съ чертовой душой», но и не безпринципные болтуны (а la вѣкоторые хроникеры «Восточнаго Обзорнія»). Есть у насъ и души чуткія, и умы достаточные, но есть у насъ и жизненные правила, устои, начала правой дѣятельности...

Вал. В. Копыловъ, дѣйствительно, числа 26-го октября подалъ Архіепископу прошеніе объ отставкѣ, но онъ подалъ такое прошеніе, которое лично я попросилъ Владыку «положить до — времени подъ сукно»... Разобраться въ прошеніи, найти въ немъ смыслъ было почти невозможно (нѣтъ тамъ достаточнаго числа ни подлежащихъ, ни сказуемыхъ; бредъ очевидно — большаго человѣка!). Прошеніе оплачено маркой и подпись просителя формально засвидѣтельствована въ конторѣ Нотаріуса; такъ у насъ прошенія не подаются...

Чѣмъ объясняется подача Вал. Вас — емъ прошенія объ отставкѣ? Дѣло объясняется крайне — просто: 16-го октября В. В — ичъ вполне согласился (рѣшеніе было единогласное)

шими воспитанниками.. Грѣшно органу печати возбуждать «увлекающуюся» молодежь своими, ласкающими самолюбіе юношей, словами... Какую роль играетъ газета? Агитаціонную. Она губить, ведетъ къ гибели еще почти дѣтей..

*) Какого „прошлаго“?

на закрытіе Семинаріи и увольненіе всѣхъ учениковъ ея; 21-го октября онъ, будучи всегда «закононикомъ» строгимъ, присоединился къ мнѣнію меньшинства (двухъ)—не открывать Семинарію, считать всѣхъ воспитанниковъ уволенными, до рѣшенія Синода отложить рѣшеніе вопроса объ обратномъ приѣмѣ б. учениковъ. Когда на засѣданіи 25-го октября я предложилъ Собранію вопросъ о началѣ учебныхъ занятій, всѣ склонились къ началю уроковъ 26 октября, какъ можно скорѣе; В. В.—ичъ заявилъ, что онъ съ этимъ не соглашается и уроковъ начинать не будетъ до «рѣшенія Синода»... Долго говорили мы о семъ (можно ли не исполнять прямую резолюцію Архіепископа на журналѣ 21-го октября? Почему не принять резолюціи, согласной съ громаднымъ большинствомъ голосовъ? и т. д.). Сначала Вал. В.—ичъ категорически отказался исполнить резолюцію, потомъ согласился, что уроки начать должно, наконецъ ушелъ изъ засѣданія (спросивши у меня разрѣшеніе).. 26-го онъ на уроки неявился, а уже, очевидно, немного помѣшавшись въ разумѣ,—ѣздилъ къ Нотариусу и ко Владыкѣ... Архіепископъ замѣтилъ его ненормальность...

Должно быть числа 28-го октября Валерій Вас.—ичъ послалъ въ «Восточное Обозрѣніе» «открытое письмо», помѣщенное 1 ноября с. г.; вотъ оно: «Постановленіемъ экстреннаго педагогическаго собранія Иркутской духовной семинаріи отъ 16 т. октября за № 17*) семинаріа была закрыта; всѣ воспитанники уволены; пребываніе въ стѣнахъ семинаріи имъ разрѣшено только въ теченіе 5-ти дней, въ виду прекращенія желѣзнодорожнаго движенія, препятствовавшаго выѣхать изъ Иркутска**).

Послѣдующія событія въ общественной жизни города были такого характера, что внушали бывшимъ воспитанни-

*) № указанъ вѣрно.

**) Вѣрно, и съ этимъ всѣ члены собранія согласились (не исключая и В. В.-ча).

камь опасенія за личную безопасность на улицахъ города со стороны хулигановъ. Съ другой стороны, уже приближался срокъ насильственного выдворенія бывшихъ воспитанниковъ изъ семинаріи и какъ разъ именно «на улицу», такъ какъ желѣзнодорожное движеніе еще не возстановлялось.

Для питомцевъ семинаріи создалось, благодаря всему этому, такое положеніе, которое съ каждымъ днемъ отъ 16 до 21 октября становилось болѣе и болѣе тяжелымъ. Бывшихъ воспитанниковъ, естественное дѣло въ ихъ положеніи, охватывалъ страхъ... Онъ быстро достигъ такого напряженія, что они, все еще не желая искать защиты у своего начальства, обратились къ эконому съ просьбой принять мѣры къ охраненію воротъ въ семинарскій дворъ; на ночь они заперлись въ спальняхъ изнутри и выставляли охрану, сьорганизованную изъ своей среды. Семинарское начальство ухватилось за невозможно стѣснительное положеніе своихъ бывшихъ питомцевъ, и о. ректоръ распростеръ предъ ними свои объятія. Имъ «благовременно» былъ вывѣшенъ для бывшихъ воспитанниковъ «образецъ» письменнаго прошенія объ обратномъ приѣмѣ, написанный его собственной рукой. Въ этомъ «образцѣ» выставлялись слѣдующіе три пункта:

1) Отказъ отъ прежнихъ убѣжденій, выраженныхъ въ резолюціи о забастовкѣ и извѣтіе подписи подъ нею. 2) Просьба объ обратномъ приѣмѣ, какъ о милости со стороны начальства, и 3) воспитанникъ долженъ былъ связать свою совѣсть обѣщаніемъ на будущее время не участвовать ни въ какихъ протестахъ противъ начальства.

Правда «отцомъ ректоромъ» было предусмотрительно объяснено желающимъ воспользоваться предлагаемой формой прошенія, что они могутъ и не держаться ея. Но это касалось больше насчетъ «словъ», потому что, какъ показали дальнѣйшія событія, тѣ изъ «бывшихъ» питомцевъ, которые

не прониклись «мыслями» о. ректора, остались за бортом семинаріи*).

Нечего и говорить, что разъ совершенно было насилие надъ совѣстью юношей, то семинарія не могла уже вернуться къ нормальному ходу дѣлъ. «Журнальными постановленіями» правленія (хотя и не въ полномъ составѣ членовъ) было обезпечено только наружное, только бумажное спокойствіе семинаріи. Инымъ оно и не могло быть, такъ какъ цѣликомъ основывалось на безвыходномъ положеніи учащахся. Факты не замедлили подтвердить это, когда жизнь города начала приходить въ норму и учащимся перестала угрожать опасность отъ побоевъ хулигановъ.

Семинарское начальство, — конечно, только въ стѣнахъ семинаріи, — объявило о «временномъ» открытіи учебныхъ занятій. Объявленіе по меньшей мѣрѣ непонятное. А за тѣмъ, по инициативѣ о. ректора, и безъ того уже «временнымъ» воспитанникамъ стали даваться отпуски срокомъ на годъ «по болѣзни». Нравственную болѣзнь «временныхъ воспитанниковъ» понять легко, но не понятно, при чемъ тутъ разрѣшеніе о. ректора. Что касается учителей, то имъ о. архимандритомъ Никономъ «предоставлялось» задать уроки и письменныя работы на срокъ болѣзни ихъ временныхъ учениковъ.

Въ корпораціи преподавателей (я въ этомъ освѣдомленъ) циркулируетъ слухъ, что ректоръ самъ иѣдетъ въ Синодъ съ докладомъ. Я вижу, что дѣло клонится именно къ этому**),

*) Правленіе семинаріи раздѣляло „Журналомъ собранія“, бывшаго 21 октября, своихъ питомцевъ тоже на три пункта: 1) Воспитанники, заявившіе ректору рѣшительный отказъ воспользоваться „образцомъ прошенія“. Таковые выкинуты за бортъ съ донесеніемъ по жандармской части. 2) Подавшіе „потребныя“ прошенія. Оныя приняты. 3) Хотя и подавшіе, но все-таки уволенные, и хотя и уволенные, но все-таки съ 4 по поведенію. Сіи уволены безъ донесенія по жандармству, просто — «по благоусмотрѣнію правленія семинаріи».

**) А сейчасъ меня уже зовутъ слушать «черновой» докладъ ректора въ Синодъ.

ибо нравственное насилие начинает чиниться теперь и надъ совѣстью преподавателей*), такъ какъ это будетъ первый въ Россіи опытъ, когда ученики будутъ считаться учениками, не видя учителя, а преподаватели—преподавателями, но также заочными.

Какъ человекъ, на глазахъ котораго чинились насилие надъ совѣстью моихъ бывшихъ питомцевъ и чинятся надъ совѣстью моихъ «сослуживцевъ», я не считаю возможнымъ далѣе числиться преподавателемъ Иркутской семинаріи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено разслѣдованіе всего дѣла.

Оглашая вышеизложенное, я питаю полную увѣренность, что архимандритъ Никонъ будетъ опровергать настоящее мое письмо, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ имѣетъ обыкновение писать опроверженія и тогда, когда сами факты не допускаютъ опроверженія; поэтому я считаю необходимымъ предупредить его, что отвѣчать ему буду только въ судѣ, для чего и предлагаю ему привлечь меня къ отвѣтственности.

Бывшій преподаватель Иркутской духовной семинаріи Валерій Копыловъ»...

Ничего не имѣю противъ логичности (логика и у помѣшавшихся случается; думаю, кромѣ того, что письмо писано постепенно, не сразу: безсвязность къ концу замѣтно и много увеличивается) построения рѣчи В. В-ча о прогрессивности страха и безысходности положенія у учениковъ, но считаю подобное «построеніе» невѣрнымъ, мало-соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Семинарское начальство отнюдь не «ухватывалось за невозможно-стѣснительное положеніе своихъ бывшихъ питомцевъ», а я вовсе не 21-го октября первый

*) Привосятъ карточку отъ инспектора семинаріи: «убѣдительно прошу, Валерій Васильевичъ, зайти ко мнѣ передъ собраніемъ. Есть дѣло. 28 октября 1905 г.». Ужь не собирается ли горѣть семинарскій архивъ? Карточку при семъ прилагаю.

разъ, по выраженію письма, «распростеръ» предъ своими учениками «свои объятія»... Вся забастовка Семинаріи была «дутая», не убѣжденная, а „увлеченная“; бастовали юноши, молодежь зеленая, быстро—увлекающаяся, но и мало еще понимающая... Семиварское начальство и я все время и непрестанно старались успокоить, образумить увлеченныхъ я, наконецъ, это намъ удалось... Благодареніе Богу!!.. Подлостей не допускали... Я не говорю, что близость развязки, срока выбытія изъ Семинаріи, а также страхъ предъ народомъ, боязнь за свою „шкуру“, не умягчилъ сердце моихъ учениковъ, но это—*не главное; главное*—улеглось увлеченіе, появилось у многихъ многое разочарованіе митингами, республикой, шумомъ... Нервы юношей устали, ослабѣли... „Убѣжденій“ не было,—было очень и очень мало; одумались, отрезвѣли!..

По разсказу, —невѣрному, неполному, искажающему весь смыслъ событій,—В. В-ча я «благовременно» взялъ и вывѣсилъ «образецъ» прошенія объ обратномъ приѣмѣ. А дѣло-то было вовсе не такъ; смотри о семь стр. 691—710 настоящаго моего письма. Я долго—долго „возился“ съ ребятами, писалъ многія и совершенно—искреннія объявленія, наконецъ присалъ и роздалъ имъ „последнее наученіе“... Если правду сказать, такъ я нисколько не надѣялся на „покаяніе“ бунтовщиковъ (на это указываетъ, напр., то объявленіе, которое мною было уже заготовлено для вывѣски въ вестибюль 20-го октября*)) „Примѣрное“ прошеніе мною было составлено по просьбѣ самихъ учениковъ (нѣкоторыхъ), которые не знали что и какъ писать. Тождества прошеній никто не требовалъ..

Что же требовалось? По письму В. В-ча требовалось: «1) Отказъ отъ прежнихъ убѣжденій, выраженныхъ въ резолюціи о забастовкѣ и изыятіе подписи подъ нею. 2) Просьба

*) См. стр. 707 письма.

объ обратномъ пріемѣ, какъ о милости со стороны начальства, и 3) воспитанникъ долженъ былъ связать свою совѣсть общаніемъ на будущее время не участвовать ни въ какихъ протестахъ противъ начальства“.

Невѣрно это; это — утрировка, — очень понятная и вполне простительная для большого, — полная. Требовалось (но выражать мысли можно было и иначе, всяко): 1) сознание своего «увлеченія»; ничего ужаснаго въ этомъ требованіи нѣтъ: увлеченіе — несомнѣнно; громадное большинство дѣйствовало почти исключительно подъ вліяніемъ «увлеченія», увлеченія новымъ потокомъ мыслей, идей и дѣйствій; объ «увлеченіи» всѣхъ въ вопросѣ о полномъ нарушеніи семинарскихъ порядковъ и говорить нечего: увлеченіе — очевидно...*) 2) Сознаніе «неразумности резолюціи». И это сознаніе у громаднаго большинства учениковъ является вполне — естественнымъ: они даже не понимали, что подписывали; не признать «резолюцію», особенно для учениковъ, крайне — крайнюю лично не могу; въ устахъ воспитанниковъ она безусловно — неразумна (не для нихъ она!..) 3) Просьба о принятіи обратно въ Семинарію «ради милости». Ничего обиднаго я здѣсь не нахожу: наскандалили ужасно; принять въ духовную школу такихъ безобразниковъ можно только по «великой» милости. Самолюбіе надо убрать въ сторонку, смиреніе выше его! . Сознаніе вины — не грѣхъ, не преступленіе. «Милость» дана ученикамъ не нами, «Начальствомъ не Семинаріи», а св. Церковью.

Объ «изъятіи» подписи изъ подъ резолюціи ученики заявляли мнѣ раньше, до подачи прошеній; въ прошеніяхъ они лишь подтверждали свое желаніе «зачеркнуться» (иначе я не имѣлъ права докладывать объ ихъ просьбѣ).. Воспитанникъ не «связывалъ», наконецъ, своей совѣсти «общаніемъ на будущее время не участвовать ни въ какихъ протестахъ про-

*) Въ правдѣ сознаться — не грѣхъ, не униженіе..

тивъ начальства». О таковыхъ протестахъ (противъ Семип. Начальства) никакой и рѣчи съ учениками не велось. Они удостовѣряли, что «читали» мое объявленіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, кои ожидаютъ ихъ, если они поемѣютъ еще разъ участвовать въ массовыхъ уличныхъ политическихъ беспорядкахъ. Это—совсѣмъ иное. . Совѣсть ихъ никто не связывалъ...

Отъ б. учениковъ не требовалось прошеній—копій съ моего «примѣрнаго» образца, но непремѣнно требовалось раскаяніе въ содѣянномъ,—сознаніе увлеченія, сознаніе неразумности резолюціи и смиреніе. Въ душу человѣка нельзя проникнуть, но отсюда не слѣдуетъ, что разбора дѣла быть не можетъ и не должно быть..

Въ примѣчаніи (первомъ*) В. Вас—ичъ искажаетъ факты, начинается «заговариваться»: журналомъ Собранія 21 октября (см. стр. 712 и 713 письма нашего) 24 ученика уволены безъ балла по поведенію, съ донесеніемъ Оберъ—Прокурору Синода и мѣстной жандармской власти не за то, что они заявили „рѣшительный отказъ воспользоваться образцомъ прошенія“, а за то, что они рѣшительно заявили, о томъ, что они не увлекались и резолюцію подписали вполне—сознательно; они твердо убѣждены въ своихъ идеяхъ и считаютъ свое дѣло чистымъ и правымъ... „По благоусмотрѣнію правленія Семинаріи“ никто не уволенъ; 13 человѣкъ не приняты за „неблагоповеденіе“, за дѣятельное участіе въ не порядкахъ и забастовкѣ... Неужели должно было всѣхъ принимать безъ всякаго разбора? Чудно что то это!!..

*) Два другія примѣчанія говорятъ о полномъ умственномъ разстройствѣ автора (особенно, если дополнить ихъ написаниемъ В. В—ча на повѣсткѣ о Собраніи 28 октября; вотъ она:

„Видѣлъ В. Копыловъ.

Вся эта книга официальнаго значенія не имѣетъ, она не „прошнурована“, поэтому, пренебрегая содержаніемъ предлагаемаго „извѣщенія“, я обратилъ вниманіе только на не официальную часть и видѣлъ, что предъдущая страница вырвана.

Написъ сдѣлана мною, что и свидѣлствуется «по надлежащему» — В. Копыловъ“.

Книга повѣстокъ въ Семинаріи вполне—законная).

Правленіє собиравось почти въ полномъ составѣ: 16-го октября не было одного преподавателя, 21-го двухъ, 25-го одного, 28-го одного.

Далѣе въ письмѣ В. В. — ча идутъ все „поддѣлки“, одні „подтасовки“, искаженія фактовъ, сплошная ложь... Объясненіе всего можно подробно читать выше... Никакого „нравственнаго напѣля“ ни надъ совѣстью учащихся, ни надъ „совѣстью преподавателей“ я себѣ никогда не позволялъ... Пишу опроверженія тогда, когда считаю ихъ должными... Къ судебной „ответственности“ привлекать, конечно, автора „письма“ не стану...—Господь да судить насъ!.. Если я позволилъ себѣ кратко разобрать письмо невмѣняемаго, больного человѣка, то отнюдь не ради себя и его, а ради читающей интеллигенціи...

—Короткій отвѣтъ на это „открытое“ письмо я послалъ 1-го ноября въ обѣ мѣстныя газеты. „Восточное Обзорѣніе“ отвѣта моего, конечно, не помѣстило, а болѣе — деликатныя „Губернскія Вѣдомости“ помѣстили (2 ноября); вотъ это письмо: въ „Восточномъ Обзорѣніи“ за послѣднее время уже нѣсколько разъ помѣщались очень нелицезныя для меня замѣтки; тамъ я рисуюсь хитрымъ іезуитомъ, человѣкомъ чрезвычайно-подлымъ... Преподаватель (настоящій, а не „бывшій“, какъ онъ подписался) семинаріи Валерій Вас. Копыловъ*) въ своемъ „открытомъ письмѣ“ № 239-го тоже очень въ мрачномъ тонѣ говоритъ о моей дѣятельности и о дѣятельности Семинарскаго Педагогическаго Собранія... И все это — по поводу послѣднихъ „событій“ въ семинаріи!..

Въ самомъ непродолжительномъ времени я отпечатаю полное описаніе этихъ «событій». Тогда и ясно будетъ — деспоты ли мы, — кто честенъ и говорилъ правду, а кто говоритъ (можетъ быть и сознательно) неправду... Для учениковъ сдѣлано все...

Ректоръ Ирк. Духовной Семинаріи Архим. Никонъ.

*) Онъ въ настоящее время находится въ психіатрическомъ отдѣленіи Кузнецовской больницы.

Слышалъ я, что нѣкоторые мои сослуживцы посылали въ «Восточное Обозр.» свое письмо, но..., конечно, и ихъ письмо осталось въ корзинѣ благородной редакціи.

Р. С. Настоящее «письмо» было уже вполне — закончено, когда мнѣ рассказали о митингѣ 13-го ноября, состоявшемся въ Общественномъ Собраніи. Сначала тамъ рѣшили три какихъ-то принципиальныхъ вопроса, а потомъ б. воспитанникъ нашей Семинаріи г. Бѣльдениновъ выступилъ съ довольно-обширнымъ докладомъ обо мнѣ. Я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности разобрать докладъ по — порядку, раздѣльно, по тезисамъ, — его у меня нѣтъ, — но я все же считаю своимъ долгомъ кратко отвѣтить на тѣ положенія докладчика, которыя мнѣ передавали. Но... прежде всего, познакомимся съ біографіей докладчика за періодъ его пребыванія въ Семинаріи; за вѣрность этой біографіи — ручаюсь.

Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, г. Бѣльдениновъ былъ воспитанникомъ 3-го класса Семинаріи... Я старался, конечно, какъ можно лучше ознакомиться съ моими новыми учениками, б. «бунтовщиками».*) Оказалось, что мои новые ученики могутъ быть раздѣлены на три группы: первая — это ученики, поступившіе въ Семинарію вновь, впервые, въ сентябрѣ 1901 года, вторая — ученики, поступившіе въ Семинарію тоже въ сентябрѣ сего года, но не впервые (такъ называемые «красные», державшіеся послѣ «бунта» въ Семинаріи даже до новаго учебнаго года), наконецъ, третья — ученики, вступившіе послѣ «бунта» въ Семинарію еще въ прошломъ учебномъ году, послѣ Пасхи (такъ называемые «зеленые», «сдавшіеся»). Г-нъ Бѣльдениновъ принадлежалъ къ первой группѣ моихъ новыхъ воспитанниковъ, — хотя и былъ уже въ 3-мъ классѣ. Последнее меня, естественно,

*) Я былъ назначенъ ректоромъ въ здѣшнюю Семинарію послѣ «бунта» въ ней («бунтъ» былъ въ февралѣ и мартѣ 1901 года, а я назначенъ въ сентябрѣ 1901-же года).

весьма и весьма заинтересовало... Вотъ что рассказали мнѣ о семь обстоятельствѣхъ на Собраніи Правленія Семинаріи (послѣ я это провѣрилъ и по журналамъ Канцеляріи): послѣ «бунта» учениковъ «набирали», принимали въ апрѣлѣ 1901 года «безъ особаго разбора»; рады были «всѣмъ и каждому». Г. Бѣльдениновъ, не окончивъ курса Духовнаго Училища*) «рискнулъ» (что противозаконно) держать экзаменъ прямо во 2-й классъ Семинаріи и... «выдержалъ», былъ принятъ. Прошеніе о «дозволеніи ему держать экзаменъ для поступленія въ 3-й классъ по окончаніи учебнаго года, а до того времени посѣщать уроки во второмъ классѣ» было подано Архіепископу имъ «28 февраля 1901 года», т. е. тогда, когда въ Семинаріи былъ «бунтъ», учениковъ почти не было. 13 апрѣля, когда въ Семинарію было принято обратно чловѣкъ 45 б. учениковъ, Педагогическое Собраніе заслушало и прошеніе Инн. Бѣльденинова; постановило: «имѣя въ виду сокращеніе числа учащихся»,—удовлетворить (незаконную) просьбу просителя...

При пріемѣ въ 3 классъ г. Б—овъ получилъ двѣ «2¹/₂».

Въ 3-мъ классѣ (уже при мнѣ) юноша учился недурно и перешелъ изъ 3-го класса въ четвертый вполне удовлетворительно. Среди воспитанниковъ любовію и уваженіемъ г. Бѣльдениновъ отнюдь не пользовался; надъ нимъ больше смѣялись, надсмѣхались...

При переходѣ изъ 4-го класса въ 5-й онъ вообразилъ себя весьма — изряднымъ «математикомъ» и просилъ меня (очень и очень просилъ) позволить ему держать экзаменъ въ Томскій Технологическій Институтъ. Онъ приходилъ тогда ко мнѣ нѣсколько разъ, такъ какъ ему нужно было имѣть въ свидѣтельствѣ по «математикѣ» — четыре (а тамъ было три), такъ какъ ему нужно было получить отъ меня хорошій «отзывъ», такъ какъ ему нужно было заручиться возможностью

*) Онъ вышелъ по переводѣ въ 4 классъ училища.

обратнаго приѣма въ нашу Семинарію въ случаѣ «провала» тамъ, въ желанномъ Институтѣ... Все это я просителю (сладко—пѣвшему!) исполнилъ... Четыре—получено (проситель переэкзаменовывался у преподавателя), «отзывъ» г. Директору данъ прекрасный*) (хотя онъ этого, конечно, далеко не заслуживалъ)... Г-нъ Бѣльдениновъ поѣхалъ и, понятно, «провалился»... Въ началѣ 190³/₄ уч. года онъ явился, — смиренно, очень смиренно, — явился ко мнѣ и усердно просилъ объ обратномъ приѣмѣ въ Семинарію, въ 5-й классъ ся. Я тогда же говорилъ ему, что о немъ «далеко не все члены Собранія» хорошаго мнѣнія... И дѣйствительно, много на Педагогическомъ Собраніи 3 сентября 1903 года говорили о г. Бѣльдениновѣ и только большинствомъ одного (моего) голоса онъ былъ обратно принятъ въ «презираемую» имъ Семинарію... Весь годъ г. Б—овъ почти ничего не дѣлалъ, особенно по богословскимъ предметамъ; на экзаменѣ, за отвѣты на единицы, ему поставлены были три двойки; по крайнему снисхожденію, ему даны были три**) переэкзаменовки... Лѣтомъ онъ все ѣздилъ по Европейской Россіи и узнавалъ нельзя ли ему поступить въ высшее учебное заведеніе (хорошій отзывъ я и теперь ему общалъ)... Не «выгорѣло» и... въ августѣ 1904 года онъ блестяще провалился на переэкзаменовкѣ по Догматическому Богословію (на переэкзаменовку по Церковному Пѣнію не явился, а на переэкзаменовкѣ по Основному Богословію получилъ три, по «крайнему» опять «снисхожденію»***)... Оставленъ былъ на второй годъ въ 5-мъ классѣ...

*) Директоръ Института запрашивалъ меня, между прочимъ, о томъ—можетъ ли считаться четырехклассный курсъ Семинаріи равнымъ шестиклассному, «соотвѣтствуетъ ли окончаніе 4-хъ классовъ вѣрной» мнѣ «Семинаріи окончанію полнаго курса» семинарій; я отвѣтилъ на это, что «хотя шесть классовъ Семинаріи и не равняются четыремъ классамъ ея», но такъ какъ все „свѣтскія“ науки въ Семинаріяхъ заканчиваются въ 4 классѣ, то «я полагалъ бы возможнымъ» допустить г. Б—ва до экзамена въ Институтъ... И онъ былъ допущенъ...

**) А у насъ полагается не болѣе двухъ (по закону).

***) Что легко видѣть изъ вѣдомости: тамъ выходило сначала «2¹/₂», не больше; потомъ—сжалились...

Обидно «сэру» показалось... Подалъ прошеніе объ увольненіи (предварительно много разъ понадоѣдалъ мнѣ своими нелѣпыми, невозможными просьбами о переводѣ въ 6-й классъ съ худыми баллами и т. п.)... Общее собраніе педагоговъ съ великою радостію, легко вздохнувъ, отпустило отъ себѣ «патающагося» семинариста*).

Вотъ краткая біографія г. Бѣльденинова за время его не очень (и слава Богу!) долгаго пребыванія въ Семинаріи. И этотъ самый, нѣсколько разъ—облагодѣтельствованный Семинаріей и мною,—б. ученикъ мой читаетъ обличительный докладъ обо мнѣ на митингѣ, при массѣ мало—знающаго меня народа!.. Отъ репія могутъ ли быть смоквы?!.. Я не дивлюсь столь—«почтенному» докладчику (онъ взнесъ на меня всю грязь, накопившуюся у него внутри, не сумѣлъ свое отличить отъ моего), но я дивлюсь «народу», который,—выслушавъ бездоказательную, —простите,—болтовню ренегата, не зная дѣла, жизни Семинаріи и меня,—изрекъ мнѣ рѣшительное осужденіе, воскликнулъ—«распи его!».. Наговоривъ массу лжи, подтасовокъ, прямо чуши,—докладчикъ задалъ собранію вопросъ: «терпимъ ли такой ректоръ»? И самъ отвѣтилъ, конечно, отрицательно... Если бы все, что наговорилъ про меня г. Б—овъ была правда,—если бы даже половина того, что онъ говорилъ обо мнѣ соответствовало истинѣ, то я самъ воскликнулъ бы: «убрать такого ректора; онъ—негодяй и подлецъ, іезуитъ и прохвостъ!».. Но., правды, побольше правды!!.. Судь былъ на митингѣ скорый, но совѣтъ не правый...

Мои личныя дѣйствія и дѣйствія Педагогическаго Собранія Семинаріи за послѣднія времена, за время послѣднихъ «событій» докладчикомъ безусловно—искажены**).

*) Если онъ, г. Б—овъ, когда либо могъ быть названъ таковымъ серьезно.

**) См. правдивый разсказъ впереди, выше.

старанія мы направили ко благу юношей, къ ихъ защитѣ и спасенію отъ многой гибели... Я дѣйствовалъ открыто и вполне честно. Никого и никогда мы не «улавливали», не стращали... Всегда говорили правду, то,—что было, есть и будетъ... По толкованію г. Б—вымъ^{*)}) послѣднихъ Семинарскихъ «событій», гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ (по сему толкованію) «я»,—моя роль сводилась къ слѣдующему: я сидѣлъ въ своей келліи, все соображалъ, держалъ «носъ по вѣтру» внутренняго угнетенія героевъ, выбрасывалъ героямъ ядовитыя пилюли и... слопалъ ихъ, г. е. героевъ, когда время «приспѣло», угнетеніе достигло апогея... Я, отсюда выходитъ, человѣкъ чрезвычайно — умный (спасибо за это!) и чрезвычайно — низкій (спасибо и за это!)... Все это — ложь, выдумка умовъ праздныхъ и сердець гибкихъ на все...

Да, я говорилъ и говорю (это изъ доклада г. Б—ва) своимъ ученикамъ, что я имъ «отецъ, братъ», что «двери моего дома для нихъ всегда открыты», что и «сердце мое открыто для нихъ»; я говорю это вполне — сознательно и вриды ли многіе изъ моихъ бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ^{**)}) скажутъ, что это — одни «слова», что «на дѣлѣ» я — деспотъ, подлець, обманщикъ... Правда, — отрицать этого я не стану, — я иногда рѣзокъ, даже грубъ; я иногда выругаю, выгоню, но вѣдь я же „человѣкъ“, вѣдь и у меня нервы то есть!?. Нужно быть на мѣстѣ нашемъ, видѣть и терпѣть отъ юношей, часто очень увлекающихся юношей столько, сколько мы терпимъ и видимъ, чтобы осуждать насъ за рѣзкости строго..

Никогда на экзаменахъ и къ сочиненіямъ мы не „придираемся“; за „хорошіе“ (какъ говорилъ облыжно докладчикъ) отвѣты двоекъ не ставили и не будемъ ставить... „Нелегаль-

^{*)} И больнымъ Вал. В. Копыловымъ.

^{**)} По Новгороду, Могилеву губ., Війску, Благовѣщенску и Иркутску.

ных“ средств для увольнения таких, какъ самъ докладчикъ, вовсе и не требуется... Преподаватели у насъ не въ „загонѣ“... Я, конечно, тоже не въ «загонѣ»; я не сижу и на высотѣ, какъ какой либо Олимпийскій богъ, оракулъ; я самъ работаю, весьма много работаю, но... и педагоги у меня пользуются полной свободой. Я ихъ не стѣсняю...

Докладчикъ упоминаетъ о тѣхъ 50 ученикахъ, кои „мною“ въ 4 года ректорства были уволены изъ Семинаріи; не прибавилъ ли онъ*)?.. А почему онъ забылъ о томъ, что число учениковъ въ эти 4 года въ Иркутской Семинаріи прибавилось примѣрно на 25%?.. Упрекнуть меня въ „жестокости“, въ принципиальной чуть ли не ненависти къ ученикамъ можетъ развѣ—развѣ только неразборчивый Бѣлдениновъ и ему подобные. Стыдно такъ нагло передѣлывать факты и все окрашивать въ свой цвѣтъ... Ложь и ложь...—Я громко и открыто заявляю, что докладъ г. Бѣлденинова—сплошная ложь, тенденціозная клевета; онъ воспользовался случаемъ и честно отблагодарилъ меня... Озлобленіе не дало ему силъ разобраться въ истинѣ... Онъ забылъ свои же рѣчи мнѣ (очень ловкія рѣчи!).

Кончу тѣмъ, чѣмъ началъ: я не дивлюсь докладчику (зная его мозговья и сердечныя дарованія), но я крайне дивлюсь митингу и его г. Предсѣдателю... Скоро они рѣшили, но врядъ-ли праведно... И это—люди, водворяющіе честность и правду; это—люди, хулящіе всѣхъ и все... Нѣтъ! „Такіе“ дѣятели правды не дадутъ, не принесутъ съ собой, потому что ея у нихъ у самихъ не имѣется... „Такіе“ дѣятели сами погубятъ св. дѣло... Честности, честности побольше... Поменьше лицепрятія и всегда—гадкой тенденціозности... По слухамъ людей не судятъ... Собрались, выслушали лживый докладъ, меня не спросили (а вѣдь я обвиняемый?), посудили и... осудили. Спасибо!.. Если ужъ вы хотѣли,

*) Если не считать послѣднихъ „37“... И все „я“ и „я“!

взяли на себя обязанность и право судить меня (или кого либо иного), вы должны были не устраивать сразу судъ предъ 2—2¹/₂ тысячами*) «народа», а учинить судъ правый, должный. Обвиняемаго судятъ заочно только тогда, когда онъ самъ не явится на—зовъ... Такъ дѣлають вездѣ въ странахъ цивилизованныхъ, такъ поступаютъ вездѣ и всегда люди, совѣсть имѣющіе, люди прогресса, а не люди, желающіе достигать «своего» экзальтаціей «массы», всякими средствами... Суда вашего я не боюсь и на пользу мизинца. Идите и просите (кого только хотите!!) о моемъ удаленіи**), но... гдѣ же правда то, гдѣ же свобода то!?. Совѣсть-то ваша гдѣ?.. Я говорилъ своимъ ученикамъ неоднократно и теперь повторяю имъ: если они придутъ ко мнѣ и скажутъ, что они, большинство ихъ, не хотятъ, чтобы я былъ ихъ ректоромъ,—я немедленно уйду... Нечестнымъ же я никогда не былъ***)... Гласа г. Бѣльдевинова и всего митинга 13-го ноября, ничего толкомъ неразобравшаго****),—не послушаю... Вы противъ меня, потому что я спасаю своихъ юношей; пѣкоторыхъ изъ нихъ вы, а не я, уже погубили... Кровь ихъ на васъ и на чадѣхъ вашихъ!!..

~~~~~
 Закончу свое обширное «открытое письмо» извиненіемъ: мнѣ стыдно, право же стыдно, что я (такъ выходитъ!) самъ

*) По подсчету (врядъ ли вѣрному!) г. Предсѣдателя,—было до 4 тысячъ.

**) Можетъ быть васъ и послушаютъ.—Съ радостію уйду отсюда. Ни одинъ городъ мнѣ не принесъ такихъ незаслуженныхъ и многихъ скорбей и оскорбленій, какъ Иркутскъ.

***) Меня сочли бы, можетъ быть, честнымъ тогда, когда я,—взявъ красный флагъ въ руки, повелъ бы своихъ ребятъ на „сходки“? Я еще, г.г., не былъ подлецомъ.. Юноши—святы, и вы—не губите ихъ!.. Дайте имъ учиться, заниматься „своимъ“ дѣломъ... Школа—не средство политической агитаціи...

****) Рассказывали мнѣ о митингѣ 13-го ноября весьма многіе. Возмущались на самомъ митингѣ докладомъ г. Б—ва, поведеніемъ г. Предсѣдателя и мудрымъ рѣшеніемъ митинга многіе—многіе. Говорить «за» тамъ нельзя, не позволяютъ; тамъ рады всякому, кто (хотя и неразумно, нечестно и ложно) говорить «противъ»... О, бѣдная свобода личности, несчастная свобода совѣсти, оплеванная свобода слова!.. А какія все это, сами по себѣ, прекрасныя, райскія свободы!?!..

себя хвалилъ, но я утѣшаю себя словами св. Апостола Павла: «собою» для себя, для своей славы, я «не похва-люсь, развѣ только немощами моими»; «не полезно хвали-ться»; впрочемъ, «если захочу хвалиться» честно, если дѣ-лать это заставляетъ меня сама жизнь, польза присныхъ моихъ, моихъ учениковъ и сослуживцевъ, — «не буду не ра-зумень, потому что скажу», и сказалъ, «истину». Я для Иркутской Семинаріи поработалъ много и честно...

А. Н.

15 ноября 1905 г.

При этомъ № прилагается вѣдомость Епархіального Училищнаго Совѣта, не приложенная по ошибкѣ къ № 18-му «Вѣдомостей».

«Въ № 20 въ «Вѣдомости о количествѣ сбора съ цер-квей» въ пятомъ и послѣднемъ заголовкахъ были допущены опечатки: Напечатано 6.27⁰/₀; нужно чит. 6.72; напечатано по 26,06⁰/₀; нужно читать по 27,06⁰/₀».

Редакторы: Ректоръ духовной семинаріи Архимандритъ *Николъ* и препода-ватель семинаріи священникъ *Іоаннъ Дроздовъ*.

Печатать разрѣшается: Цензоръ Архимандритъ *Іоаннъ*. 1905 г. 19 ноября.

Иркутскъ, Типографія А. А. Сизыхъ, Большая ул., д. Милевскаго.